

Серия «Серебро Слов»

СЕРЕБРЯНЫЙ РОДНИК

7

СБОРНИК ПРОЗЫ

Серия «СЕРЕБРО СЛОВ»

СЕРЕБРЯНЫЙ РОДНИК-7

Сборник прозы

Коломна
Серебро Слов
2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

С32

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов

*Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России*

(Председатель редколлегии серии «Серебро Слов»)

Игорь Евгеньевич Витюк

*Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России*

Денис Викторович Минаев

*Секретарь Правления
Московской областной организации
Союза писателей России*

С32 Серебряный родник. Кн. 7. Сборник прозы / Авт. – Коломна:
Серебро Слов, 2022. – 110 с.

ISBN 978-5-907463-48-6

© Авторы, 2022

© Минаев Д.В., обложка, 2022

© Серебро Слов, 2022

Дорогие друзья!

Наше издательство продолжает серию «Серебро Слов» очередным сборником прозаических произведений – «Серебряный родник-7»!

Тем, кто следит за нашими «Серебряными» проектами, будет, несомненно, приятно познакомиться с произведениями уже знакомых и полюбившихся авторов, а также открыть для себя несколько новых интересных имён. Тот же, кто впервые знакомится с этой серией, мы уверены, найдёт для себя много яркого, талантливо-го и познавательного на этих страницах.

Пусть же наш маленький творческий «родник» утоляет духовную жажду ищущих, достойно пополняя воды настоящей современной литературы!

Желаем всем приятного и увлекательного прочтения!

Редколлегия Издательства «Серебро Слов»

Валентина Душина

г. Набережные Челны, Татарстан

ЕСЛИ БЫ БОГА НЕ БЫЛО, ЕГО СТОИЛО ВЫДУМАТЬ

...Вспоминая своё раннее детство, оглядываюсь на ту девочку, которую звали Валечка или Валюша. На дворе шестидесятые годы, мне три с половиной года. На мне красное пальто и ботинки, на голове шапка. Простое байковое платьице под верхней одеждой и короткие, я из них выросла, штаны с начёсом. Раньше такие продавали, верх костюма очень быстро скатывался. Стиранные-перестиранные, и от этого вид у них плохой.

Я иду по дорожке вдоль домов, под ногами вода, а под ней лёд. Поздняя молдавская осень с ещё не облетевшей серебристой листвой тополей и солнцем, застрявшим в вершинах высоких деревьев. Очень скользко. Я разбегаюсь и пробую прокатиться, у меня не получается, и я плюхаюсь в воду, ой, как весело! Вода чистая, сияющие брызги во все стороны так и летят, радость до неба головой достаёт.

По приходе домой мама смотрит на меня, и тёмное облачко на миг закрывает её усталое лицо. Я отчётливо понимаю: лучше сказать, что случайно упала, чтоб не огорчать. Вот с этого момента я и повзрослела. Стала осознавать цену своим поступкам.

Жили мы небогато. Едва сводили концы с концами. Родни у нас в Молдавии не было. Мама учительница, папа коммунист. Куда ни пошлют, готов работать честно и добросовестно только за идею.

Мне повезло, и мои первые минуты после выписки мамы из роддома часы начали отсчитывать в новом построенном родителями после войны доме.

С едой стало полегче, на столе появилось сливочное масло, яички, варёная курочка по праздникам. Время от времени топор нависал над хохлаткой, папа рубил ей голову в хозяйском дворе.

Я была счастлива в своей семье рядом с папой, мамой, братом и сестрой, как никогда потом в взрослой жизни.

Первая моя встреча с Богом и осознание таких понятий, как добро и зло, случилось обыденно и незаметно. Я люблю стоять рядом с мамой, когда вечерами в тёплых, мягких сумерках она встречается с сидящими на лавочке у дома напротив соседками, одетыми в тёмные одежды — обычно это длинная юбка и сшитая из простой материи кофточка, на шее верёвочка, на которой висит крест. Кресты разные на вид, всё больше медные и серебряные, старинные.

Бабушки ругают зятя одной из них, неумеренно пьющего соседа.

— Ох уж этот Федька! Настоящий басурман. Опять Мотю бил и гонял вокруг хаты.

И мне сразу ставится понятно, что дядя Федя человек без совести, в Бога не верит, так как басурманы из сказок, которые мне читают на ночь, — люди жестокосердные и воинственные. Иной расы и веры.

Фёдор, муж Матрёны (тёти Моти), работает на тракторе с прицепом, колхозное добро само плывёт ему в руки. На свой двор мешок зерна, пыля по дороге на склад, нет-нет да закинет. Ну и, само собой, — свату, брату, родителям, которые отблагодарят самогонкой или вином.

Двоих деток с супружницей народили, а бьёт он, молодой и весёлый, пороха не нюхавший, свою бабу смертным боем.

Следующий наш сосед, дядя Вася Коробцов, родом был из Брянска. Крутит баранку колхозной машины. Не фронтовик, молодой, в силе. Охотой увлекается.

Истязал свою жену Надю, как фашист. Сотрясение мозга, перелом челюсти, рёбер... чего только не творит он в пьяном угаре над женщиной.

Тётя Надя худенькая, бессловесная, миловидная женщина с железными вставными зубами. Свои муж выбил. Двое деток у них, Володя и Юра.

Отличник Володя, сдавший экзамены и поступивший учиться на военного, в восемнадцать лет застрелил своего отца из второго охотничьего ружья в целях самообороны,

защищая мать и брата, когда дядя Вася целился, наведя на них ствол, чтоб убить. Дело решили секунды.

Выбитые пулей из головы дяди Васи мозги размазаны по потолку и стенам. (Так скажут свидетели, которых пригласят для опознания и составления протокола.)

Я не завидую достатку соседей — ни купленным телевизорам, ни зацементированному двору с погребом, ни более сладкому куску. Нас папа никогда не бьёт и не гоняет вокруг дома. Мы не прячемся и не бежим с мамой в ужасе ночью по соседям.

Я люблю, когда после ужина (почти перед сном) папа печёт по нашей просьбе в печи картошку (рябчики). Курит папиросы «Беломорканал» и, углубившись в свои мысли, смотрит на огонь. Это время для задушевных бесед и рассуждений на разные интересующие темы. Я спрашиваю папу о его родине. О стихосложении. Папа знает всю русскую и зарубежную классическую литературу и поэзию.

Папа читает наизусть стихотворение Гёте (в переводе) и разбирает его достоинства и форму написания. Он знает всего Никитина, и не только.

Он разговаривает со мной как со взрослой. У меня хорошая память. Я всё схватываю на лету и запоминаю. Мы выписываем журналы «Работница», «Крестьянка». «Огонёк» — не всегда.

Я получаю «Мурзилку». Единственное, почему мне важно получение журнала, это то, что он выписан лично для меня. Значит, я уже достаточно подросла.

До последнего часа после смерти мамы папа читает номера «Роман-газеты», где публикуются выдающиеся произведения писателей из национальных республик: «Я вижу солнце» Н. Думбадзе, «Материнское поле» и «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова, «Деревня на перепутье» Й. Авижюса. А также повесть «Последний поклон» В. Астафьева, романы К. Симонова — «Последнее лето» и «Двадцать дней без войны», роман литовского прозаика Й. Авижюса «Потерянный кров», повести В. Быкова «Дожить до рассвета» и «Обелиск», повесть Г. Троепольского «Белый Бим Чёрное ухо». Из переводной прозы можно отметить роман

З. Ленца «Урок немецкого», повести Ф. Фюмана, роман Д. Кьюсак «Солнце — это ещё не всё».

У нас висит на вешалке в прихожей над голубым сундуком папин ремень. Бывает, я расшалюсь вечером и мама, выйдя в переднике из кухни, где она готовит, стоя в дверях зала, одёргивает меня, а я тут же начинаю бегать ещё быстрее по комнате вокруг стола, за которым сидит папа и мирно читает газету.

— Николай, поймай мне её! — требует мама. Сердечко во мне бьётся сильно-сильно. Мне страшно, что же будет?

А ничего не происходит. Папа делает вид, что не слышит мамы. Для того чтоб схватить меня, ему стоит только протянуть руку. Которую он никогда не протягивает! Меня никогда не бьют.

Случалось, старшие что-то натворят, что бывает крайне редко. Мама берёт ремень и выстраивает нас перед собой. Старшие спокойно слушают внушения, а я трепещу, как самая маленькая и впечатлительная. Стоит маме повысить голос на полтона, я начинаю рыдать и в страхе прятаться за спины, которые смыкаются. На этом всё и заканчивается.

Мама вопрошает отца, когда же наконец он начнёт заниматься нашим воспитанием? Папа отмалчивается. Вопрос чисто риторический. На папе все хозяйственные дела. Печь, она всегда протоплена с раннего утра, когда холодно. Огород, в котором ни травинки. Плодовые деревья, которые по весне он опрыскивает и подрезает. И все посадки, будь то картофель, огурцы, фасоль или томаты... У папы лёгкая рука, всё, что он ни втыкает в землю, растёт и благоухает.

Отец у нас человек умный, насмешливый и добрый. В его карманах всегда находится орех или конфета не только для меня, но и для моих друзей.

Мой старший брат Вячеслав послушный мальчик. Именно его родители посылают за хлебом и другими продуктами в магазин.

Слава держит голубей. Бывает, что есть нам совсем нечего и денег нет. Тогда варят борщ из голубя. Для Славика это трагедия. Слава, сидя за столом, плачет и щиплет хлеб. А я ем, посматривая на него время от времени.

«Слабак!» — думаю я. Голубей кушать нельзя, но те, которых мы едим, домашние, кормленные зерном. Их очень много расплодилось, нам их не прокормить. Родители последний кусок нам отдают.

Я вспоминаю, как Таня в мае (конец учебного года) сказала маме, что у неё нет денег на обед в школе. Мама ей уже давала двадцать копеек, она или растратила их, или потеряла. Танюша натура широкая и беспечная. Мамочка долго ищет и, вынимая из кармана тёмно-зелёного строгого костюма последние пятнадцать копеек, отдаёт сестре, радуясь, что нашла.

В этот долгий загруженный уроками день мама останется голодной. У меня переворачивается внутри сердце, когда она переступает порог и мы идём вместе до угла.

Заходя в садик, я смотрю ей вслед. На всю её маленькую аккуратную фигурку. Она удаляется, а я всё ещё вижу перед собой её строгие зелёные глаза под тонкими высокими бровями, белую кожу лица, красную помаду на губах, пушистые локоны каштановых волос, и мне хочется кричать и плакать от боли за неё. Я сдерживаюсь и не задаю глупых вопросов ни ей, ни Богу. Я знаю, мама мне ответит:

— Валечка, все так живут!

Но живут так бедно не все. Только приезжие учителя и врачи. Недавно я познакомилась с нарядной девочкой, Розой. Я часто вижу её папу. Отстранённый, с опущенной головой, в чёрной рубашке, он идёт к нашим соседям напротив. (Старики торгуют спиртным.) Покупает вино и пьёт каждый божий день. Спивается, твердят в один голос все, кто его видит в таком состоянии.

Папа Розы хороший хирург. Его красивая и молодая жена умерла от рака. Он не знает, как жить без неё дальше. Ему нужно уезжать со своей девочкой, думаю я, когда встречаю его. Чем скорее, тем лучше. Пока он не привык к вину.

Хоть бы их кто-нибудь забрал из родных, прошу я Бога. Столько пьяниц и вина, как в Молдавии, нигде нет. Недавно пьяный сын убил мать за кусочек колбасы. (Семья живёт на горе, выше нас. Я туда не хожу.) Папа рассказывает

об этом маме. Подобные новости разлетаются по селу, передаваясь из уст в уста. Заметив, что я слушаю, поясняет:

— В нашем селе живут разные люди, есть и такие, которые совершают страшные преступления. С которыми человеку невозможно жить. Это уже не люди.

Как и в любом другом месте, у нас есть свои плакальщицы, причитающие и бьющие себя ладонями по лицу, а кулаками в грудь на похоронах; нищие, ходящие с оравой малышей по дворам; хоронящиеся от света чернокнижники, выходящие ночью на перекрёсток дорог, чтоб убить чёрного петуха; ведьмы, сидящие в полнолуние на крышках колодцев; воры, не просыхающие пьяницы, насильники, тати.

Вездесущие цыгане во все месяцы года, кроме зимних, по утрам разъезжают на громыхающей телеге, запряжённой смирной лошадкой, по тихим пыльным улицам, выкрикивая:

— Кости, тряпки!

Нам нести нечего. У нас ни костей, ни тряпок нет. Иногда мама посылает брата купить за деньги пакет синьки и глиняную свистульку для меня.

Синьку мама добавляет в воду, в которой полощет белое бельё. Отец добавляет синьку для получения более холодного цвета в побелку, когда приходит пора белить дом снаружи.

На нашей улице живёт блаженный, юродивый Онохрей. У него не хватает в голове, поэтому его постоянно дразнят злые дети. Природа наделила его столь несообразными и запоминающимися чертами лица, что, когда он бежит по улице, время от времени подпрыгивая, худой и раздетый, босиком, выкрикивая что-то на своём птичьем языке, отшатываешься, не зная, куда спрятаться от охватившей неловкости.

Голубые бессмысленные глаза, редкие торчащие во все стороны зубы из постоянно открытого слюнявого рта, ком вздёрнутого несуразного носа, оттопыренные уши и вытянутая яйцеобразная голова с редкими вечно потными волосами на тонкой длинной шее — вот портрет пророчествующего, несущего на своих хилых плечах правду в мир человека.

Он живёт через три усадьбы (Воголатихи, тёти Поли и дяди Пети, Духановых) в старой хате по нашей стороне

улицы. Если считать от проулка, его хата стоит вторая после дома Шпака. У Шпака дом спрятан за глухими воротами, комар в щель не пролетит — столь близко доски прилажены, с двух сторон глухой забор, за которым большой ухоженный огород с ровными рядами картошки, капусты, моркови, свёклы.

— Гав, гав! — глухо лает посаженный на цепь волкодав, бегая взад и вперёд по натянутой вдоль ограды проволоке. Сразу видно, что в семье имеется достаток. Есть что прятать от посторонних глаз.

А у Онохрея дом стоит на зелёной лужайке, у дома растёт раскидистое дерево. Акация. Ни ворот тебе, ни забора, ни собаки. Ничего такого и близко нет. Если и есть за что этот дом похвалить, то за русскую печь, чья труба гордо смотрит в небо, — в холодные зимы без неё Онохрей бы не выжил, — да за крылечко. Невысокое.

Славик — именно он утешает и приводит меня с улицы, куда я бегу за сестрой.

— Бросила, мерзавка? — спрашивает он меня, глядя рукой по волосам. Я рыдаю, не в силах ответить. Мы стоим за воротами, и я всё ищу Таню глазами. Брат за ручку уводит меня к маме.

Мама обещает дать хорошего ремня милой Танюше, как только та вернётся домой. Это даёт мне надежду, что её можно перевоспитать.

Меня умывают, и я иду со Славиком гонять голубей к его друзьям, где все мы дружно, глядя в прозрачную вышину, считаем, сколько кувырков в небе сделал турман.

Про нас с братом можно сказать, что я его «хвостик». Я увязываюсь за ним, когда нужно идти за керосином за четыре улицы от нашего дома.

Навечно остался в памяти из детских впечатлений ящик с дустом в глубине сарая, к которому нельзя подходить — яд, — и длинная очередь за керосином из взрослых и подростков со странной посудой в руках: бутылки, банки, железные бидоны. Интересная воронка в руках продавщицы. Потом это всё быстро пропало.

В отличие от Тани Славик меня никогда не дразнит. Когда я только родилась и мама спустя малое время вышла на работу, учителя стали отпускать Славика пораньше с уроков по просьбе мамы, и он бежал сломя голову с горы домой нянчить меня. Когда я подросла, школу на горе для учеников начальных классов закрыли. Так что после произнесённых впервые мной слов «мама», «папа» третьим было имя брата, «Сява».

На его школьной сумке написано: «Слава самбист». Он ходит в спортзал с ребятами тренироваться, боксирует грушу.

Внешне мой брат светлый, с выгоревшими добела на солнце волосами, среднего роста. На лице выделяются большие серо-голубые глаза, опущённые длинными пшеничного цвета ресницами. Прямой нос. Красивые губы. Волевой подбородок.

Самый хороший подарок, с которым я не расстаюсь, подарил мне он. Это большая толстая книга «Учись считать». Каждая страница этого чудесного издания иллюстрирована прекрасными рисунками. Качающиеся на ветках обезьяны, слоны, гиппопотамы, летящие попугаи, пальмы...

Считать я научилась быстро, мама уже задаёт мне задачки из учебника, а эту первую книгу по-прежнему люблю листать, воображая Африку: Эфиопию, Судан, Кению. Африканские сказки рассказали мне о животных. О шакале, льве, бегемоте, гиене. Заяц, паук, черепаха (герои повествования) в них рассуждают и действуют как люди.

Совсем особый склад у амхарских сказок. Амхары живут в Эфиопии – горной стране у берегов Красного моря. Особенно мне нравилась сказка о великом негусе и умной, прекрасной чужой жене...

Танюша – как божий ангел во плоти ликом, смелая и решительная. Именно она в паре с самым видным и статным мальчиком ведут за собой остальные пары парней и девушек, танцующих молдовеняску. Колхоз пошил им самые настоящие молдавские костюмы (с кожаной обувью на заказ). Они стоят кучу денег. Я внимательно рассматриваю

вышитые цветы на рубашке и сложный орнамент на юбке, когда она приносит костюм перед выступлением домой. Такой профессиональной работы я ещё не встречала.

У женщин, к которым мы с мамой заходим по какой-либо надобности, в углах комнат стоят в киотах иконы и теплится огонёк лампадки. На столе лежит книга в толстом, замасленном чёрном переплёте. Это Библия с парчовой закладкой, в которой золотыми буквами с завитушками, а то и красными, было написано: не убий, не укради, не лъстись на чужое.

Мои бабушка и дедушка умерли, когда меня ещё не было на свете, и я очень этому факту огорчалась.

С куличами и крашеными яйцами на Пасху никакие конфеты соперничать не могли. Родители папы и мамы обязательно праздновали этот светлый день со свечами, пасхой, плачиндой — и со мной, конечно, если б только они были живы.

Ведь Бога почитать раньше не запрещали, как сейчас. Мои родители вынесли все тяготы войны, смотрели в глаза «безносой», они не могут понять, как Спаситель мог такое бедствие, как война, допустить. Для смертного человека ноша слишком тяжела. И холодок их, скорее всего, не к вере и Богу, а к смерти. Отсюда идёт и нежелание говорить на эту тему.

Мама обещает подарить «серебряный» рубль, если я не испугаюсь лечь спать на улице. С утра выставили кровать, прямо рядом с огромным кустом алых семейных роз. Это самая большая удача. Я уснула, глядя на звёзды.

Мало того, что я спала во дворе, правда, чуть-чуть: папа меня перенёс в дом, как только я уснула, — я ещё получаю утром в своё владение целый рубль!

(Я перестала бояться темноты.)

Папа — инженер-строитель, в нашем селе он строит магазин. Коробка здания уже стоит, остались отделочные работы. Мы с папой поднимаемся на второй этаж по лестнице без перил. Я побаиваюсь, как бы не упасть.

Нас встречают женщины-маляры. Папа смотрит объём проделанной работы, и мы с ним спускаемся вниз. Дальше наш путь лежит к маленькой синей будке, на которой

написано красными буквами: «Мороженое». Продавщица суёт в руки белый сладкий брикет, обложенный двумя вафлями.

Мама всем говорит, что она не представляет, как я буду высиживать уроки в школе. Я и пяти минут не стою на месте. Но был один секрет, который я всячески оберегала. Это великое любопытство и тяга к знаниям. Меня интересует абсолютно всё. А уж когда дело касается слова, я готова бесконечно слушать сказки, рассказы, повести, стихи.

Особенно моё воображение будоражат чужие тайны и секреты. Стоит только прийти к моей старшей сестре её подруге Лоре Шевченко, как я тут как тут.

У Лоры старший брат ходит в заграничные плаванья на большом корабле. Не раз проходил экватор! Жаль, что я его ни разу не видела, он настоящий морской волк, привозит сестре ажурные кофточки, платочки с райскими цветами и всякие прочие мелочи дамского туалета.

Тех, кто переходил экватор, называют бывальыми-солёными. Им выдают удостоверение от Нептуна, что такой-то (имя, отчество), как пересёкший экватор и подвергшийся крещению морской водою, посвящён в орден океанских глубин.

А если пересечение экватора случилось в точке начала отсчёта широты и долготы — в нулевом градусе, то есть в точке, которая у моряков называется центром Земли или золотой точкой, то моряки, пересёкшие экватор в этом месте, получают право носить золотую серьгу в левом ухе и сидеть в портовых кабачках, положив ногу на стол.

Замечтаюсь — и сама я уже не Валюша, а повелитель пустынь и морей разбойник Орбазан. Который берёт корабли на абордаж, укрощая неверных. Сидя на ветвях орехового дерева, я словно вживую стою на капитанском мостике и раздаю команды, указывая подзорной трубой на приближающийся шторм.

Три раза в неделю сестра водит меня в балетную студию на молдавскую часть, но будущей балериной я себя не чувствую. Мне не нравится махать руками и прыгать по сцене, как клоун.

Я хочу вести по пустыне караваны верблюдов, закрыв лицо краем чалмы, в развевающихся белых одеждах, с саблей в руке.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, — дразнят подружки не разлей вода и убегают шушукаться на лавочку в отдалённый уголок сада.

Мне хочется им ответить, что меня зовут не Варвара и нос у меня не длинный, а наоборот, маленький и курносый. И что я им никак не помешаю. Но их уже и след простыл.

Я знаю, о чём они шепчутся, горестно думаю я, возвращаясь на грешную землю. Опять вчера у кого-то из сельчан грецкие орехи зелёные в одиннадцать часов ночи обрывали, как будто у нас своих мало.

А Лорке мальчик нравится, который ей написал, что любит её. Но замуж-то ей выходить ещё рано. У девушки круглые карие глаза и тёмные, жёсткие и густые волосы, собранные в толстую до пояса косу.

Переживает, что рано, по ней сразу видно. Про орехи я знаю, потому что меня ими Танюша накормила с утра. Я сидела с ней рядышком на скамеечке, той, что впереди дома среди роз и боярышника.

Она ловко взламывает ножом орех, разделяя его на две половинки, извлекает и даёт очищенную сердцевину мне. Это очень вкусно. У неё руки от сока ореха коричневые с чёрным оттенком, а у меня чистые, белые.

Кормит она меня вволю, не жадничает, добрая.

Про мальчика я подслушала, когда они сидели на той же лавочке, где Танюша кормила меня орехами, а окно было открыто. Я тихонечко вошла в комнату и присела под подоконником. Наверное, они услышали моё дыхание, хотя я сидела очень тихо. Или заметили, что меня во дворе нет, и это их насторожило. Одним словом, мою особу обнаружили. Жаль, больше они так не попадутся, теперь не узнать, что это за парень, и какие у них отношения с Ларисой, и что это за штука такая — любовь, что она так переживает. И спросить не у кого. На смех поднимут, что интересуюсь.

Самые первые чёрные от спелости вишни я получаю из рук сестры. В один из летних дней она подходит ко мне в надетом на летнее платье зелёном плаще с двумя глубокими карманами и предлагает поучаствовать в фокусе.

Мы идём в сад, рвём с ней зелёные вишни, Таня произносит заклинание над ними и опускает в карман. Немного ждём. И вот она вынимает из карманов спелые и кладёт в мои протянутые руки.

Только став много старше, я поняла, что эти вишни росли где-то далеко на горе, где самое горячее и раннее солнце наиболее близко к земле. И она за ними ходила, чтоб меня порадовать.

Танюша крутит уши старшим мальчишкам, если они меня обижают. Когда их родители приходят к маме на неё жаловаться и мама ругает нас, я прячусь за её спину, и она меня ни разу не выдала.

Про мою первую испытываемую симпатию к мальчику я рассказываю именно ей. И утром, когда она ведёт меня в садик, мы несём ему лучшую и самую сладкую грушу из нашего сада, которую я ему благополучно вручаю.

Перед сном, когда я капризничаю, она подолгу носит меня по комнате на руках. Стены и окна кружатся, по потолку скользят тени, и постепенно я успокаиваюсь и засыпаю. Бывало, что она рассказывает мне молдавские сказки в записи Иона Крянгэ и моя щека лежит на её белой и нежной ладони, чтоб она не убежала.

Сегодня воскресенье. Я иду в гости к мальчику, который мне нравится. Волосы у него, как у меня, белые. Глаза голубые, а у меня серые. Он живёт в большом доме с родителями за красивыми железными воротами, украшенными ковкой: завитушками, пиками, сеткой из прутка... Это на другой улице. Мы играем, со мной знакомятся и разговаривают его мама и папа. Домой я иду с букетом больших белых ромашек. Они для меня их все с клумбы сорвали. Я чувствую себя взрослой.

Когда я пытаюсь присесть рядышком, чтоб вкусить знания, у всех семейных находятся срочные дела. Ни с какого боку подойти нельзя. Мои старания пропадают втуне. Правда, один плюс во всём этом всё же есть. Чтоб не зависеть ни от кого, я научилась читать. Я быстро умнею.

Теперь я знаю, что трандафир — это роза. Пыне — хлеб. Что румыны и молдаване — разные нации, как и цыгане, гагаузы, евреи, населяющие Молдавию.

Приобретаю много иных столь же полезных для жизни сведений.

Особо концентрировать на себе внимание не стоит, а то мама заставит учить таблицу умножения. Пока я выучила, сколько будет, если умножить число на один и два. Или спать в обед положит.

Оказывается, раньше имена давали в честь небесных покровителей. Родился мальчик на Николу Весеннего — назовут Николаем. И эта связь времён меня околдовывала. Выходило так, что и смерти нет. Мой папа родился на Николу Летнего.

В конце лета я заболела. По обрывкам произнесённых врачами слов, у меня воспаление лёгких. Я лежу в больнице. Меня обрядили в красивую новую пижаму в широкую красную полосу. Такую дешёвую ткань зачастую используют при пошиве матрасов.

Но у меня никогда пижамы не было, и я собой очень гордилась и про матрасы не думала, когда любовалась собой в отражениях окон. Счастье моё длилось недолго. Мне кололи четыре или пять раз в день пенициллин. Как только мне стало чуть легче, я стала убежать во двор. В один из таких выходов я поскользнулась и упала, испачкав свои прекрасные штаны. Мне выдали другие, комплект был нарушен, а моё горе безгранично.

Я лежу в палате с людьми разного возраста. Среднего и пожилого. Только одна из всех молодая, скорее всего, старшеклассница. Меня навещают сестра и брат. Сегодня вечером Славик пришёл вместе с какой-то незнакомой мне

девицей. На вид очень приличная. Я стесняюсь чужих людей. Попросила принести мне курицу.

Я веду себя хорошо. Не плачу. Я всё жду маму. Но Слава сказал, что у мамы много дел, идти далеко, а у неё болят ножки. Мама инвалид детства, у неё третья группа. Она прихрамывает и иногда ходит с тросточкой. (Зимой, когда скользко, мама держит меня за воротник пальто, я стараюсь быть хорошей палочкой, чтоб она не упала. Мы доходим до садика, а дальше в школу она идёт одна.) Лето, пора заготовок. Мама закатывает компоты, варит варенье, готовит на всю семью. От всего этого ей просто не отойти. Летний день год кормит.

На следующий день с утра сестра принесла целую курицу. Я съела только печень, а всё остальное вечером отдала брату. Зачем мне вся курица? Ведь это был ритуал.

Набегавшись и накупавшись в Днестре, мои старшие брат и сестра голодные прибегают домой. Мама варит суп из петуха. Я сижу на стульчике и никуда не уйду. Наблюдаю, как они по очереди открывают крышку и ждут, когда сварится петушиная головка с большим гребешком.

Возвращается отошедшая на минутку мама и кладёт мне на тарелочку печень, которая уже сварилась. Кушаю я плохо, и она старается меня порадовать. Я съедаю печень, а потом голову, и Таня или Слава, облизываясь на моё пиршество, разбивают её, достают и дают мне мозги. Я не знаю, ела ли я бы с таким аппетитом, если б не видела их столь сильное желание проглотить всё махом.

Мясо я не ем в супе, молоко я не пью... даже не пытаются заставить. У меня сильный характер, так говорит отцу мама. Силу моего характера папа испробовал на себе. В один хороший и добрый вечер, когда мы всей семьёй, поужинав, сидели у печи, как-то случайно выяснилось, что никто не загнал кур и их нет в курятнике. Мама очень испугалась, она стала, раскачиваясь на стуле, горько плакать. Бывало и такое, что птицу воровали. Мама положила столько труда, растя их. Чем же нас кормить, очевидно, думала она. Отец что-то сказал невпопад, мама разбила об пол пару тарелок, и они

поругались. Первый раз в жизни я видела столь большое потрясение у мамы перед суровостью судьбы.

Утром куры нашлись, они спрятались и переночевали под виноградом у забора.

Папа и мама любили друг друга и нас. Для них это было как ещё одно испытание послевоенной жизни на прочность, наголодались и пережили вдвоём они не одно горе. Это был весь наш птичник.

Я перестаю замечать папу. Не реагирую на его обращение, вопросы. И день прошёл, и два, и три. Папа очень удивился.

— Варенька, — сказал он, — она такая маленькая ещё, что она понимает? Я никак не могу вернуть её внимание к себе.

Пока отец не поговорил с мамой и та не объяснила мне, что ссоры между ними не было и то, что произошло, случилось у неё от сильного переживания, наши отношения с папой не вернулись к прежним.

Я понимаю и жалею маму. Первые двое её деточек (Славик и Светочка) умерли во младенческом возрасте, а брат Юрий, портрет которого висит на стене над родительской кроватью, убит током в возрасте десяти лет.

Мама больше никогда так не плакала.

Я люблю варёную выращенную на конце огорода фасоль, картошку-пюре и котлеты. Мама жалуется соседкам, что у меня только щёчки круглые, а если раздеть, то ничего нет, одни косточки и кожа. Поэтому для меня мама покупает шоколадное масло, но и его я не очень ем.

Мои познания мира расширились, теперь я знаю, где расположена больница. Я даже сбегала и посмотрела большую страшную яму сзади неё, куда выкидывают окровавленные бинты и абортированных детей. Яма была глубокая и со столь отвесными краями, что заглядывать в неё я побоялась.

При выписке девочке в палате подарили красивый набор разноцветных лент. Оказывается, она за мной присматривала, а я и не знала.

Меня наконец отпускают домой.

Я дома. Папа рано утром ушёл на работу. Мама — в школу по своим учительским делам.

Я, поиграв в саду с кошкой, тихонько захожу в дом. Моя сестра Татьяна, стоя в зале перед зеркалом, декламирует стихотворение. Блок. Я уже узнаю поэтов на слух. Следом звучит новое стихотворение:

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причёсывая языком,
И струился снежок подталый
Под тёплым её животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок...

Стихотворение сражает меня наповал своей искренностью и трагизмом.

- Кто это написал? — спрашиваю я.
- Сергей Есенин, — отвечает сестра.

Мои старшие, брат на десять лет, а сестра на девять, сильнее, умнее и более жизнеспособны, чем я, и эта разница в возрасте подталкивает мой ум спешить догнать их. Скорее, скорее впитать в себя всё загадочное и пережить непознанное, чтоб не отстать и не потерять их в стремительно убыстряющемся темпе времени.

Каждую ночь я засыпаю в ожидании завтрашнего праздника.

И он приходит. То маки на дальнем пустыре все враз распцвели, то молочный, сам собой тающий во рту, зелёный горошек на колхозном поле, что начинается на задах нашего

огорода, поспел. И нужно брать сумочку и бежать, рвать, пока не скосили.

Каждое утро мама, заплетая мне косички, дарит мне вместе с поцелуем своё материнское благословение.

Пусть прольётся божья благодать на мою малую родину и Молдавия вечно остаётся, как и в дни моего детства, солнечной и цветущей. И зимы были снежные, и воду студёную доставали из колодца, и печи топили, а ничего лучше этой земли, на которой родилась, я не знаю. И пишу-то я этот рассказ, чтоб её увековечить.

Мои родители ушли друг за другом с разницей в пять лет. Мама двадцать пятого января одна тысяча девятьсот семидесятого года, а папа двадцать пятого февраля одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года.

НАБРОСКИ НА МАНЖЕТАХ, КОТОРЫХ НЕТ

В ведёрке ветка осенних хризантем. Запах от них в квартире стоит густой, насыщенный.

Ярко-жёлтые, каждый цветок — как солнце.

На Пушкинской, у старушки взяла. Растение с крепким корнем. Посадила в землю.

Много завязи на тонких зелёных веточках, аромат от соцветий сильный, терпкий, чувственный, слегка горьковатый... со множеством тончайших оттенков.

Строем идут осенние дни, туманные, дождливые, скорбные. Ветер срывает дрожащие листья с веток и несёт их над проспектами, машинами, домами. Поднимая высоко, высоко в небо. Лиловые, лимонные, пурпурные, вишнёвые, розовые, оранжевые... где они вскоре пропадают из вида.

Голы деревья во дворах, парках. Когда иду в высоких тёплых ботинках, шурша опавшей листвой, чудится, что меж стволов стоит осень и улыбается мне скупой жалостной улыбкой на худом прозрачном лице. Слёзы наполняют мои глаза, в горле теснятся рыдания. Таково влияние разлитого в свежем воздухе благоухания, исходящего от коры деревьев, поникших трав, листьев, корней. Везде и во всём

ощущаешь незримое присутствие смерти. Серый сухой куст полыни, растущий на обочине, кланяется долу под налетевшим ветром.

Ощущаешь всю хрупкость своего бытия.

Чувствую себя сиротой казанской, когда с самого утра и до вечера зарядит дождь, а я стою у окна и смотрю на мутные потоки воды, растекающиеся по стеклу. Уходишь в себя. Прячешься от лихолетья, и вся жизнь твоя развернётся, как свиток, и промелькнёт перед глазами.

Мало заглянуть в себя, надо что-то оставить на земле, чтоб не пропасть бесследно. Как пчела собирать пыльцу и производить мёд.

И если сегодня ничего путного не получается, то только и остаётся, как занять себя какой-либо пустяшной работой. Спрягать глаголы, вышивать думку*, чтоб не сбежать в Италию, Францию или Венецию. Подалее от серой обыденности, обречённости и смертей.

Разве можно написать что-то дельное, будучи ишаком, запряжённым в воз с неподъёмными камнями. Который тащишь всю свою сознательную жизнь.

Изредка что-то пишешь на коленке, между едой, туалетом, сном, работой, очередным подорожанием и поездкой в трамвае. Балансируя между двумя столь разными понятиями — надо и могу.

Написать письмо Богу? Так он и так знает о занудливости бывших мужей, пьянках и всеядности богемных друзей. О соседях-наркоманах, бездомных собаках и кошках, воронах и бомжах. О грошах, которые ты откладываешь на похороны в жалкой попытке не омрачить жизнь близким.

Когда тебе за шестьдесят, только и остаётся, что наблюдать жизнь.

Голая правда, с которой сняты все покровы, глядит на тебя, и ты не знаешь, что с ней делать. Мучительная и неправдоподобная, которую невозможно принять.

Зажигаю восковую свечу перед иконостасом. Свеча пахнет пчёлами и летом. Даже цвет у неё медовый. Завариваю чай, нарезаю яблочный пирог.

---

* Думка – подушечка.

На стук ножа бежит домашний питомец. Крупный и тяжёлый рыжий кот. (Наполняю для него мисочку мясом.)

Думаю о судьбах русской литературы. Пандемии, выборах, холодной зиме. Как сказал Маркес: «Жизнь — это всего лишь нескончаемый ряд счастливых возможностей выжить».

ГРАНИ ОБЩЕНИЯ

*Заниматься живописью значит создавать
красивую субстанцию, прибегая к особому,
внутреннему чувству.
Точно таким же образом
природа создаёт алмаз, золото, сапфир...
Это врождённый дар чувственности.
Его нельзя приобрести.*

Одилон Редон

Настоящая подлинная живопись — это изменение сознания. Это восторг при погружении в магические глубины мира. Божественное озарение, инсайт*, при котором трагическая действительность, в которой пребываешь, не может разрушить целостность твоей личности как таковой.

Человеческая душа — это живая субстанция. Умение видеть, создавать, воплощать мечту (образ-символ) на холсте делает художника бессмертным.

Он создаёт произведение как максимально выразительную форму, несущую в себе замысел — невербализуемый ступок идей, чувств, ценностных отношений.

Мозг автора хранит в памяти множество разных версий одной и той же картины.

Что ждёт зритель, приходя на выставку, видя обилие цвета и полную свободу художника в воплощении собственно замысла, способен ли он хотя бы на время отрешиться от

---

* *Инсайт (англ. insight), озарение – внезапное осознанное нахождение решения какой-либо задачи, ставшее результатом продолжительной бессознательной мыслительной деятельности. В психотерапии инсайтом обозначают сопровождающееся прозрением и катарсисом осознание человеком причин своего состояния или проблемы.*

бытовых проблем? Оценить перенесённые художником на холст с помощью кисти и красок меняющиеся и ускользающие причудливые формы?

Проникнуться тайной замысла картины — это как отве-
дать плодов с Древа познания.

Как тихий сон — картина прерафаэлиты Джона Эверетта Милле «Утонувшая Офелия». Бурю чувств вызывает работа Россетти «Благовещение». Стоит обратить внимание на творение Рене Магритта «Влюблённые».

Знаменитый французский живописец и график Одилон Редон (1840 — 1916) остаётся самым значительным художником, который в эпоху реализма и объективизма занимался искусством, основанным на мистике и подсознании. Один из лидеров в искусстве рубежа веков, Редон был ключевой фигурой раннего символизма со своими угольными рисунками и литографиями «чёрного» периода (знаменитыми «нуарами»).

Его работа «Еуе-шар» (1878, уголь, Музей современного искусства, Нью-Йорк) поражает до сих пор всех, кто имел счастье её лицезреть. Глаз, превращаясь в воздушный шар, взлетает к небу (1885, цикл «В честь Гойи»); в «Гении» над водами взгляд больших печальных глаз устремлён на землю подобно взгляду Бога. Некоторые листы Редон вместо названия сопровождает текстами: «Глаз, как странный шар, направляется в бесконечность».

(Среди органов чувств глаз занимает особое место. Если принять за 100% информацию, которую воспринимают все органы чувств, вместе взятые, то на долю зрения придётся до 80% информации, воспринимаемой организмом извне.)

Вместить в себя миры. Расширяясь, этот процесс вовлекает человека в общение с создателями искусства других времён, народов и культур. Всё это пробуждает в каждом из нас потенциальную универсальность собственной человеческой сущности, дающей возможность услышать и понять немолчащий мир, в котором всё по воле Бога обладает голосом, взглядом, речью, всё безмолвно повествует о себе, всем облик, всеми внешними проявлениями являя свою внутреннюю потаённую жизнь, характер, судьбу. Бытие — вот что

выносит на суд зрителя художник. Приоткрывая ценность простых вещей, ускользающих мгновений. Проявление высшего в обычном, привычном взгляду предмете.

ЖИЗНЬ ДУХА

*Не та жизнь, что страшится смерти и боится уничтожения,
но та, что претерпевает смерть и невзирая на неё
сохраняет своё существование, и есть жизнь духа.*

Гегель

*«...тот, в чьём распоряжении несравненное ритмическое
богатство прозы, чуждается своих стихов,
их линиялой музыкальности, их дешёвого утробного тона
(жидких утробных мелодий)».*

Торнтон Уайлдер

Поэтесса бальзаковского возраста Фацелия Аполлоновна Красавина разделяла людей на три категории: малоумный, безумный, юродивый.

День был тихий, солнечный, и она дремала, сидя на лавочке в недавно разбитом сквере, когда к ней подошёл прозаик Мыкин Семён Адольфович и поинтересовался её здоровьем.

На голове пятидесятипятилетней Фацелии красовалась прелестная соломенная шляпка в виде маленького перевернутого горшочка, перетянутого зелёной атласной ленточкой.

В своём ярком шёлковом платье с обилием оранжевого, красного, белого и синего цветов она походила на заморскую птицу, готовую в любой момент вспорхнуть и улететь в Африку — скажем, в Египет.

Мыкин был из категории малоумных, у Фацелии Аполлоновны едва не вырвалось: «Мыкин, ты дурак! Чего горла-нишь? Испугал».

Скинуть сонное оцепенение было трудно, поэтому она просто слегка махнула кистью руки. Жест мог обозначать что угодно. Мыкин задумался.

Трель звонка нарушила ход его мыслей, Мыкин достал из кармана телефон. Чем дольше длилась беседа, тем шире расплывался в улыбке старый и облезлый Мыкин.

— Фацелия Аполлоновна! — Мыкин интимно понизил голос и назвал сумму в евро, которую ему предложили за экранизацию его романа.

Фацелия Аполлоновна мгновенно открыла глаза.

— Это стоит отметить! — обернув радостное лицо к прозаику, воскликнула поэтесса.

Мыкин давно был у неё в кармане.

Отдых обеспечен на самом высоком уровне. Душа женщины пела. Она даже встала на цыпочки и поцеловала Мыкина в губы, обдав цветочным ароматом духов, чем парализовала его окончательно.

— Семён Адольфович, — выдохнула Фацелия.

Грех горел в её широко раскрытых серых глазах. Мыкин начал напевать военные марши, притопывая в такт ногой. Обнявшись, парочка выдвинулась в путь к ближайшему ресторану. Оба ещё не завтракали, а время шло к обеду.

ЕЛАБУГА

Из дневника

Люблю я предновогодние посиделки в ресторанчиках и кафе, искусственный снег на ёлочных венках и гирляндах в мягко мерцающем огнями зале и настоящий, пушистый белый снег за заметёнными до половины окнами, обрамлёнными тончайшей кисеёй. Пить мелкими глотками вино и смотреть, как на улице сгущаются сумерки и старинные здания Елабуги оседают и прячутся друг за другом, отгораживаясь лиловыми тенями. Кованые двери и полутораметровые подоконники, печи, встроенные в стены, создают иллюзию особого временного пространства, в котором так спокойно и уютно, что не хочется уходить.

29.12.2012

Из дневника

Дорога из Набережных Челнов до Елабуги радует взгляд расстилающимися белыми полями, снежными лесными массивами, тянущимися вдоль трассы, домиками в белых

шапках набекрень. Двадцать один километр пути под хорошую музыку — и вот она, старинная Елабуга.

Тут уж только смотри во все глаза и снимай на камеру, фотоаппарат или, на худой случай, телефон. Ворота действующего монастыря, Казанско-Богородицкий, женский. Основан в 1856 году как женская община.

(Главный благодетитель, которому обитель обязана своим возникновением, — И. И. Стахеев.)

Возрождён с 1995 года. На территории монастыря действует два храма: небольшой — великомученицы Варвары (1887 год) и большой — храм в честь Казанской иконы Божией Матери.

Небо над монастырём бело-серое, а тени под заснеженными деревьями сиреневые, и тихо, тихо.

Музей Дуровой, музей Шишкина, салон современной живописи ждут, толкните двери — и они откроются.

Собор Покрова Пресвятой Богородицы в Елабуге. 1806 — 1820. Собор Спаса Нерукотворного Образа в Елабуге. 1808 — 1821. Церковь Александра Невского... чтобы осмотреть и прочувствовать всё это духовное богатство, вместить в свою душу, нужно посвятить Елабуге не один день.

Я фотографирую розовые домики, резные окна, старинное крыльцо. Хоть что-то увезти с собой.

Обедаю в ресторане Чёртова Городища. Данный ресторан находится в культурном центре г. Елабуга. Отсюда открывается неописуемой красоты вид на реку Кама с островами. Панорамный обзор Елабуги с её старинными соборами и церквями. Хорошая кухня, удобная мебель, тепло.

Ощущение, что попала в средневековый замок. За окном ветер качает лёгкую дымку из снежинок.

08.01.2017

Из дневника

Погромыхивало. Солнце щедро проливало на землю горячие, ослепительные лучи.

*Белые храмы, чёрные тучи.
Звон колокольный, ветер горячий.*

Я сидела за столом, на увитой зеленью террасе ресторана Чёртова Городища, и смотрела на тёмно-синее небо, затянутое чёрными облаками. На широкую Каму, принимающую в себя щедрые воды Тоймы. На поросший лесом островок, лежащий прямо на стрежне Камы. Лёгкая сетка дождя шевельнулась под ветром над водной гладью и пропала. Из-за туч, как золотая рыба, выплыло солнце.

В чёрной столешнице стола, покрытой прозрачным стеклом, отражается небо. Небо лежит и на трёх соседних столах.

14.07.2018

ПИСЬМА ИЗ АМЕРИКИ

*Любовь уничтожает смерть и превращает её в пустой призрак;
она же обращает жизнь из бессмыслицы в нечто осмысленное
и из несчастья делает счастье.*

Лев Николаевич Толстой

Письмо первое

Валюшечка!

Сегодня четвёртый день моего пребывания в Америке. Я до сих пор в это не совсем верю. В аэропорту мне пришлось понервничать, потому что прилетел в одно место (аэроп. Кеннеди), а улетать в Ролли нужно было с другого. Пообщался на всяких языках со служащим персоналом и в итоге негр-таксист за тридцать долларов отвёз меня в другой аэропорт. Ты бы видела Нью-Йорк сверху! На берегу безбрежного океана стоит, вернее – распластался, огромный город с миллионом огней (уже был вечер) и с прожилками дорог, гирляндами мостов и небоскрёбов.

Встретил меня Сих на своём «форде». Ощущения у меня были как у космонавта после приземления, всё-таки десять часов полёта. Голова кружилась, и два дня ходил весь сонный и квёлый. У них день, а мне спать охота, потому что по нашему времени у нас четыре часа утра, а у них пять вечера. Теперь уже адаптировался. Поместили меня

в отдельной комнате на втором этаже большого коттеджа. Дом очень уютный и разноплановый, со множеством выходов, балконов и веранд. Ландшафт вокруг просто как в раю — деревья, поляны, цветущие кустарники, яблони и что-то другое, что я не знаю.

Погода была холодная, но теперь резко потеплело. С раннего утра за окном поют птички и тишина, даже немного курортная. Галерея находится в двадцати километрах от дома. Ездим туда каждый день на машине. Уже все работы натянули на подрамники, развесили. Выгляжу я очень даже неплохо, но помещение не очень большое. Приятно видеть, с каким любопытством американцы смотрят на мои работы. В целом всё идёт по плану. Сегодня встреча в институте со студентами. Немного волнуюсь, хотя чего уж бояться — расскажу что-нибудь. Вот такие дела.

Перед глазами и в мыслях ты всегда со мной, так хочется тебя обнять и целовать до обморока! Соскучился! Постоянно думаю о том, где ты сейчас и как твои дела.

Целую тебя, моя Муза, тысячу раз! Не могу позвонить, потому что телефон сотовый очень дорого, да и плюс при Сихе и его помощниках как-то теряюсь и пропадает дар речи. Поэтому пишу тебе в стол, даже не знаю, отправлю письмо или нет. Ну пока.

Уже 7:00 утра. Мне не спится. Скоро на работу. Целую.

23 апреля 2005 года

Письмо второе

Валюшенька! Любимая моя женщина! Мой бесценный друг! Если б ты видела своего покорного обожателя в кругу поклонников и ценителей живописи, то, наверное, у тебя появилось бы достаточно поводов для того, чтобы съезвить. Всё-таки приятно, когда тебе хоть немного поклонятся, ценят твой труд и способности. Выступил хорошо в университете Дука.

Огромный учебный комплекс, где учатся тысячи студентов со всего мира. Но слушала меня лишь небольшая аудитория изучающих русский язык. Пообщались с ними, попили

чай с тортом и уехали. А вчера было самое интересное — открытие моей выставки в галерее. Представь себе картину: перед входом висят два больших флага — американский и российский. Это в честь меня! Из Вашингтона прислали поздравление (из российского консульства) с открытием выставки, сожалея, что поздно получили приглашения.

В трёх газетах появилась статья о моей выставке. Но самое приятное то, что пришли около 110 — 120 американцев, которых мы поили вином, и я рассказывал о картинах.

Интерес очень большой. Это так приятно, и теперь нет никаких сомнений в затеянной поездке. За вечер купили шесть картин, а сегодня ещё две! Свои расходы оправдал полностью, и теперь есть надежда, что нам хватит на хороший ресторан после моего приезда (если ты меня дождёшься)!

Получил пару заказов на портреты. Кроме этого проведу уроки мастер-класса, куда записались 12 человек. Все хотят писать и рисовать как мистер А.!

Возят меня на хорошей машине, все бытовые проблемы решены. Только работай!

Только вот грустно по вечерам, когда думаю о тебе. Если бы можно к тебе на чай или кофе на часик и обратно в Америку. Не буду мучить себя, а то потекут слёзы, а утешать некому. Читаю Булгакова. У него такие великолепные рассказы той поры, когда он работал врачом в захолустье.

Целую миллион раз на прощанье!

Скоро буду у Ваших ног.

Письмо третье

Валюша!

Сегодня воскресенье! Меня усиленно приглашали на поездку по городу. Это поклонники моего творчества, одна милая семейка, которая живёт в США 12 лет.

Но я отказался. Они меня и так вчера подня возили по всем интересным местам.

Просто я решил поработать. Одни американцы купили ангела над крышами, а другие опоздали и заказали копию.

Вот его сегодня и написал. Ты же знаешь, если я чего-то захочу, то у меня быстро всё получается. Так и сегодня. Ангелочек уже трубит на станке. А ведь ты его хотела унести! Не успела. Ну ладно, я его дома повторю, может, даже лучше получится.

Всё здесь замечательно и хорошо кроме одного: как только появляется свободное время, начинается угнетать ностальгия по России, ну и, естественно, не хватает твоего присутствия. Булгаков очень хорош, но и он не может занять всего меня. Похваляюсь ещё раз. Вот что у меня купили:

(список 8 работ)

Как видишь, очень неплохо для начала. Плюс ещё уроки проведу. Мою живопись теперь и здесь знают. Вот такие дела.

Три тысячи поцелуев.

А. В.

ИЗ ДНЕВНИКА

3 апреля 2005 года

На улице ледяной ветер. Пасмурно, неуютно. Ездили в Елабугу. Посидели в кафе «Серебряный век», потом походили вокруг домика М. Цветаевой.

Верхнюю обшивку с домика сняли... никто в нём не живёт. Очевидно, городская власть собирается создать действующий музей. Постояли у памятника. Долго не выстоять. Холодно. Цветаева сама на себя не похожа, но худсовет принял.

Поехали обратно в город. Настроение хорошее, немного развеялись. Зима ещё прочно держит верх. Снег тяжёлый, грязный. Тёмные маленькие домишки, прижавшиеся к земле, голые берёзы, пустые поля вдоль дороги.

4 апреля 2005 года

Пьём чай со сладостями. Я так устаю физически, что не в силах ничего писать. А. вроде бы старается всё успеть, но, видно, тоже устаёт. Мысли его только о предстоящей поездке в Америку. Готовит картины. Снял рамы. Повезёт на подрамниках.

5 апреля 2005 года

А. чинил кресла. Теперь они в отличном состоянии.

6 апреля 2005 года

А. заменил сифон на кухне, под раковиной текло.

Скоро А. поедет в Америку, чтобы провести выставку и немного заработать. Собирается читать лекцию «Жизнь художника при советском строе и сейчас». Думаю, напрягаться ему особенно не придётся, будет говорить на примере своей жизни. Тема была ему предложена отсюда. А. собирается рассказать, что и при СССР было много хорошего, в частности, получение мастерской, которую сейчас в любой момент могут отобрать. В настоящее время это большой вопрос.

12 апреля 2005 года

А. уехал на поезде в Москву, 13 апреля вылетит в Америку.

15 апреля 2005 года

Последние дни перед отъездом А. в Америку были полны света и тепла. В связи со скорым расставанием со мной А. вёл себя примерно. Роль джентльмена подходит ему как нельзя лучше. Часто звонил на работу, в обеденный перерыв сидели в гриль-баре, после работы встречал на машине, пили кофе в «Бахетле», ужинали в кафе.

Когда ко мне относятся внимательно, я оживаю. Звонил из Москвы, просил не отчаиваться.

16 апреля 2005 года

В ночь звонил А. Я не успела взять сотовый. Очевидно, добрался и у него всё нормально.

Про нас можно сказать так: «Она пишет стихи. Но не для того, чтоб заработать деньги. Для себя. Он рисует — и это его хлеб».

Владимир Ерош

г. Луховицы, Московская обл.

ПАМЯТНИК

Борис Николаевич Глухов — председатель Городнянского сельского совета*, остановил машину у автобусной остановки в центре села, подвёл нас к валуну с выгоревшими прошлогодними венками.

— Вот, товарищи художники, перед вами «памятник» погибшим землякам в годы Великой Отечественной войны. Тридцать лет возлагают городнянцы венки памяти к этому камню. Нужен памятник-obelisk. Народных денег, что собрали сельяне, негусто — всего 400 рублей. Возьмитесь, ребята. Только на вас надежда. А народ вас не забудет. На разработку эскизов, шаблонов и прочих ваших хитростей и установку сооружения остаётся месяц «с хвостиком». Любая помощь, какая потребуется: людьми, механизмами, стройматериалами... Даже в нужное время освободим механическую мастерскую с кранбалкой. Всё для вашего фронта работы, для нашей победы к 9 мая!

Минут пятнадцать мы с Юрой Пименовым молча обходили заболоченный клочок земли с угрюмым замшелым валуном.

С Юрой мне приходилось работать вместе много: кафе, магазины, Дома Культуры, разовые оптовые заказы, — всего не перечислить. Часто его идеи становились основой задуманной темы. И что бы мы ни делали, я рассчитывал на него, как на самого себя. Его работоспособность, быстрая ориентация в любой ситуации — качество высокого интеллекта настоящего художника. Но главное свойство Юрия Ивановича Пименова — это безграничная фантазия в разных направлениях новаторства. «Кулибин» — было прозвище Юрия.

Это был юбилейный 1975 год — 30 лет Победы над гитлеровским фашизмом. У Юриваныча, ведущего художника при ДК «Старт», запарка! Реклама, лозунги, сцена, какие-то

---

* Сельский округ, расположен в Луховицком районе Московской обл.

муляжи военных регалий. И для меня этот месяц был чрезмерно напряжённым. Изостудия, которой я руководил, готовилась к очередной отчётной выставке. А тут ещё райком решил пристроить к памятнику погибшим луховичанам Вечный огонь. На совете по решению этой задачи разработку эскиза конструкции и авторский надзор возложили на меня. Представленный эскиз (через неделю) утверждал второй секретарь Луховицкого РК КПСС Староверов М. Н., который в конечном счёте требовал неукоснительного исполнения и надзора за сооружением Вечного огня. Были привлечены каменщики, штукатуры, шлифовщики, горгаз, дежурная грузовая машина. Ежедневная «ковровая стружка». А мне-то что? Я — не член КПСС.

С Юрой мы почти не виделись, но над эскизами памятника для Городны работали оба, прихватывая ночное время. Глухов метался между Юрой и мной:

— Ребята, вы меня режете! Меня разорвут селяне!!!

А время несло с бешеной скоростью. И только к концу апреля Борис Николаевич получил наши разработки будущего памятника.

— Наш сельский совет с вашим проектом ознакомился — принят единогласно, — в голосе Глухова звучала усталость. — Котлован для фундамента готов. Механическая мастерская в вашем распоряжении, потолочная плита уже лежит на железных козлах — ждёт вас. Цемент и песок в нужных количествах в мастерской. Вам в помощь — двое наших механиков. Всё? Дерзайте! Не подведите, ребята, всё село готовится к открытию так давножданного памятника; репетиции, приглашения, приглашённые... Ну, я — в райисполком...

30 апреля.

Среда.

Короткий день.

10 часов утра.

Мы с Юрой в механической мастерской села Матыры. Согласно нашей задумке, на шестиметровой плите должно быть два изображения: с одной стороны — меч возмездия,

закаливаемый огнём, с другой – образ скорбящей Матери с венком и с датами внутри венка – «1941 – 1945». Примерили шаблоны по размеру плиты – нормально.

1, 2,3 числа – майские праздники. 4 мая, воскресенье, – рабочий день.

4 мая.

Воскресенье.

Рабочий день.

10 часов утра.

Матырские ребята уже нас ждали. Познакомились:

– Модест Петрович, но не Мусоргский.

Это он – механик.

– Владимир Васильевич, но не Стасов, – парировал я, протягивая Модесту руку.

Его напарника звали Сергеем.

Начали с изображения меча. Колдовали мы над плитой до 17 часов. Ребята, замороженные этим действием, удивлялись, глядя на проявление чуда в виде меча и огня на плите.

– Ну, вот и всё, – застенчиво решил Юрий.

Серебристый меч на сером фоне закалялся красным огнём.

– Будем поднимать... Подводи кран, Модест!

Вдоль плиты, по её длине, пять сквозных отверстий. Туда мы пропустили трос, стянули гаками...

– Вира!

Стальные тросы натянулись, плита приподнялась над козлами...

– Пе-ре-во-ра-чиваем!

Совершая пол-оборота по оси, плита застонала, заскрежетала и...

Был оглушительный треск!

Была мёртвая тишина...

Было тупое оцепенение...

Это – конец. Памятника не будет...

Словно в предсмертных судорогах, плита продолжала выгибаться. Отскакивали фрагменты меча, огня и тела самой плиты, обнажая скелет арматуры. Никто не искал причи-

ны катастрофы, никто никого не успокаивал и не обвинял в случившемся. Модест с Сергеем куда-то ушли, и только Юра и я – в транс.

Появились Модест и Сергей, принесли водки и нехитрую снедь.

Модест налил в губастый стакан до краёв:

– Махни, Василич, поможет... Кто знает, где оно, озарение у художника. Ещё не вечер. Да проявись, чудо! – он вознёс руки к небу, взывая к милости Божьей.

– Ещё стакан! – потребовал я.

Модест молча влил столько же.

Меня не берёт. Только предательский ком в горле – сейчас взвою.

Юра распорядился, чтобы нас отвезли...

5 мая.

Понедельник.

8 часов утра.

Вернулось самообладание. Мне – всего 41 год. Я – молод. Конём скачу по буеракам, заброшенным долгостроям в поисках хоть какой-нибудь идеи. Складированные потолочные плиты вызывают у меня ненависть. Панели стен пятиэтажек, колодезные кольца, трубы разных назначений... В уме прокручивались десятки вариантов, но не умещались в недельный срок технологического времени. Меня начал трясти панический страх... как вдруг мой взгляд остановился на пустяковом предмете... На пустыре, непонятно для чего, стоял осветительный столб на двух бетонных ногах, врытых в землю. Ноги-столбушки в сечении имели форму трапеции.

– Эврика!!! – прозвучало в моей голове на всю Матыру и эхом отозвалось в Городне. – Памятник будет! Ну не будет меча с дьявольским огнём, будь они неладны, но скорбящая Мать с венком выразит основную сутьobelиска...

Поверить трудно, что пять шестиметровых столбов, связанных вместе, образуют сферическую стелу с изображением скорбящей Матери.

Трое суток до Дня Победы!

Три бессонных ночи отданы на Победу!..

9 мая.

Пятница.

10 часов утра.

День Победы.

Давно в Городне, в центре села, не собиралось столько народу от мала до велика, разве что 9 мая 1945 года.

Открывал митинг, посвящённый тридцатой годовщине Великой Победы, Борис Николаевич Глухов. С небольшим опозданием подкатила машина Второго секретаря Райкома. Выйдя из машины М. Н. Староверов всё-таки отыскал меня среди толпы:

— Ну что, «Фигаро», можно тебя с Юриванычем поздравить с заслуженной двойной ПОБЕДОЙ...

*08 апреля 2010 г.
г. Луховицы*

Сергей Калабухин

г. Коломна, Московская обл.

СВЕЧА НА ВЕТРУ

— Прекрасно, мальчик! Ты становишься настоящим мастером. Вот только... — Старик отошёл от картины ученика, сел в кресло у пульсирующего жаром камина. — Я же много раз говорил тебе: пиши только то, что ты сам видел, хорошо знаешь.

Гибкий безусый юноша осторожно поставил на стол подсвечник, порывисто опустил на одно колено перед стариком.

— Но, учитель, твои рассказы о далёкой стране, где нет богатых и бедных, где все люди свободны и счастливы, где нет войн, голода и болезней, живут во мне. Я вижу цветущие города, смеющиеся лица детей и женщин, плывущих в солнечном небе на летающих кораблях!

— Мальчик, без фантазии нет гения. Тебе всего пятнадцать лет, ты ещё очень юн, но я ясно вижу твоё будущее. Тебя ждёт великая слава. — Старик подбросил полено в пылающий камин. — Пиши пейзажи, натюрморты, стражников у ворот, нищих пилигримов, торговцев, портреты. Помни, мы живём в страшном мире. Я бы давно сгорел на костре, если б не жадность и тщеславие епископа. Каждый месяц я дарю ему одно из своих полотен. Но если люди узнают, о чём я тебе рассказываю, если увидят эту твою картину, даже епископ не спасёт нас от костра.

— Эй, колдун, отворяй! — забарабанили в дверь.

Ученик мягко скользнул к окну.

— Сандрелли, придворный живописец!

— Открой. — Старик встал, сорвал с подрамника картину ученика и бросил в камин. Огонь мгновенно слизал с холста счастливые улыбки и смех летящих меж облаков людей.

Громыхая сырыми ботфортами, в мастерскую вошёл закутанный в короткий чёрный плащ высокий полный человек.

— Ты ещё жив, старый колдун? — прорычал вместо приветствия Сандрелли. Сняв широкополую шляпу с поникшими от дождя перьями, он бросил её ученику и, задевая длинной шпагой за подрамники, прошёл к камину и сел в кресло хозяина.

— Вы промокли, сеньор. — Старик склонился перед гостем. — Эй, мальчик, вина!

— Некогда мне пить твою кислятину! — раздражённо подёргал кошачьими усами Сандрелли. — Ты сделал то, что мне надо?

— Да, сеньор, с божьей помощью ваш слуга сделал проект нового дворца для герцога.

Ученик развернул на столе эскизы дворца. Маленькие тёмные глазки гостя зажглись, пухлые щёки затряслись. Не сдержав возглас изумления и восторга, Сандрелли вскочил с кресла и склонился над столом. Старик придвинул поближе свечи, чтобы ни одна линия не осталась не замеченной и не оценённой заказчиком.

— Ты не колдун, старик, ты — сам дьявол! — Сандрелли бросил на стол туго набитый монетами мешочек, спрятал эскизы на груди и выбежал под дождь, забыв укрыть свои свисающие до плеч кудри шляпой.

Старик стряхнул с кресла натёкшую с плаща гостя воду и сел у огня. Ученик запер дверь и опустил на пол у ног старика.

— Учитель, я не понимаю, почему ты меняешь свои прекрасные картины на бездарную мазню? — спросил юноша, разбивая кочергой в мерцающую пыль остатки сгоревшего холста.

— Запомни, мальчик, важно не имя художника, стоящее на картине, а сама картина. Пусть епископ берёт мои полотна и подписывает своим именем. Меня это не волнует. Зато его уродливые творения не омрачат ничей взор, не подадут дурной пример. Пусть образцом будут мои картины и проекты, а не мазня епископа или Сандрелли. Слышишь? К нам опять стучит гость, открой.

Ученик ввёл невысокого измождённого мужчину со свёрнутым холстом в руках. С обвисших полей размокшей шляпы на потемневшую от влаги куртку струилась вода.

— Проходи сюда, к огню, обсушись, — предложил старик. — Кто ты? Хочешь обменять свою картину на одну из моих?

Ученик подтолкнул робкого гостя. Оставляя мокрые следы, тот подошёл к камину, положил рулон холста на стол и протянул к огню покрасневшие руки.

— Да, — хрипло каркнул гость. — Я не могу продать свою картину. Мне нечего есть, негде жить. Вчера я продал кисти и краски, чтобы заплатить за кусок хлеба и ночлег.

Старик то отступал назад, то подходил вплотную к быстро надетому учеником на подрамник мокрому, как и его хозяин, холсту. Наконец положил руку на плечо гостя.

— Как твоё имя?

— Джузеппе.

— Я не возьму твою картину, Джузеппе.

— Бог отступился от меня, дьяволу я тоже не нужен. Что же мне теперь делать?

Старик взял гостя под руку и ввёл в соседнюю комнату. Ученик зажгёт свечи. Блики огня заплясали на развешенных по стенам картинах.

— Смотри, Джузеппе, — сказал старик.

Оставив гостя одного, они вернулись в мастерскую. Старик сел в своё кресло. Отблески огня в камине окрасили алым цветом его изрезанное морщинами лицо, озарили седину длинных густых волос и мохнатых бровей. Ученик молча встал перед дымящимся паром холстом.

— Мальчик, принеси мне глоток вина. Сегодняшний день надо отметить.

— Чем же он хорош, учитель? С утра льёт дождь. К тому же ты сам не раз говорил мне, что вино губит художника.

— Ты прав, ничего не надо. Готовься в дорогу, малыш. Как только прекратятся дожди, ты отправишься в Рим.

Полуночным лунатиком в мастерскую вошёл Джузеппе.

— Мальчик, дай нашему гостю кисти и краски. Теперь он знает, чего не хватает его картине.

Мгновенье поколебавшись, Джузеппе решительно подошёл к своему просохшему холсту и твёрдой рукой нанёс несколько мазков. Мальчик одобрительно кивнул и развернул картину так, чтобы учитель заново оценил работу гостя.

— Иди к герцогу, скажи ему, что старый колдун отказался купить твою картину. Мальчик, возьми мешок Сандрелли, отсыпь Джузеппе половину...

Искры взлетали в чёрное небо, соперничая со звёздами. Пламя ревело, пытаясь десятками языков лизнуть кровавую луну. Но ещё громче ревела беснующаяся толпа.

— Проклятый колдун! Давно пора было его изжарить!

Тонко взвизгивая, мальчик бросался на плотную массу потных орущих фанатиков, пытаясь пробиться к горящему дому учителя, но стена тел каждый раз отшвыривала его назад. Неожиданно чьи-то сильные руки перехватили падающего на брусчатку ученика.

— Не надо, мальчик, нельзя туда. Они и тебя кинут в огонь. Учителю уже никто не сможет помочь.

— Джузеппе, за что?!

— Ты разве ничего не знаешь?

— Учитель вчера отправил меня в Рим, посмотреть Вечный Город. Я не смог уйти далеко: мне не понравилось, как он прощался со мной.

— Значит, он знал...

— Жги колдуна! Поджаривай дьявола! — проревел рядом знакомый голос. Сандрелли, чёрный от сажи, в прожжённом плаще, выхватывал у людей плачущие смолой факелы и швырял их через головы в бушующие пламенем окна горящего дома.

— Проклятый колдун, — рычал он, топорща опалённые кошачьи усы. — Как же мы теперь... без тебя? — Вдруг слёзы прорезали светлые полосы на полных щеках. Закрыв лицо плащом, Сандрелли исчез в тёмном переулке.

— Уйдём отсюда, — Джузеппе увлёл юношу прочь от беснующейся толпы. — Когда я неделю назад пришёл к герцогу и передал ему слова Мастера, герцог не глядя купил мою картину и взял меня придворным живописцем. Он сказал, что Мастер отказывается только от настоящих шедевров.

— За что они его?

— Сегодня утром все картины Мастера исчезли!

— Куда?

— Не знаю. Висят в рамах чистые холсты, без единого мазка, если не считать подписей тех, кто их присвоил. Епископ в ярости! Жаль Мастера — такая ужасная смерть...

— Нет, я не верю! Он не умер! Он улетел в свою прекрасную страну.

— Бедный мальчик, ты болен от горя. Пойдём ко мне.

Сноп огня взметнулся в небо. Грохот рухнувшего дома слился с торжествующим рёвом толпы.

— Эти безумцы радуются. Они думают, что смогли убить Мастера, что уничтожить идею, мысль, красоту так же легко, как задуть свечу. Но мы-то живы, мальчик! Мы живы, и у нас есть кисти и краски. И нас уже двое. Прости, я не знаю, как твоё имя?

— Зови меня Леонардо.

Владимир Когтев

г. Луховицы, Московская обл.

«ЗА МЕЧТОЙ УХОЖУ В ПОГОНЮ ПО ДОРОГАМ ЗЕМНОГО ШАРА...»

Луховицкий поэт-романтик Виктор Симонов (1928 – 1977)

Творческий путь поэта может быть простым (в тиши уютных кабинетов за письменным столом немало стихов было написано), а может – тернистым, когда – «по городам и весям», по бескрайним просторам страны, мировым широтам; когда – в поисках и сомнениях, в желании познать новое, неведомое; когда – романтика души и романтика жизни ложатся беглыми строчками в путевом блокноте и стихи рождаются как-то сами, опережая грифель карандаша...

Именно такой путь – тернистый, насыщенный событиями и встречами, любовью и дружбой, красотами мира – прошёл в своём творчестве (и жизни!) поэт-романтик Виктор Симонов, уроженец Земли Луховицкой – живописнейшего уголка юго-восточного Подмосковья. Виктор Алексеевич – из простой крестьянской семьи (родился 22 ноября 1928 года в дер. Головачёво, что недалеко от современного города Луховицы). Отец был кузнецом. В семье было пять сыновей, а значит – верных помощников отцу. И в ударах кузнечного молота, в звонких переборах молотков-«подголосков», в ярких брызгах искр-окалин виделось мальчишке – будущему поэту – что-то необыкновенное, романтическое. А ещё – в бескрайней красоте окружающей природы...

Учился Виктор сначала в обычной сельской школе, потом – в райцентре, в Луховицах. В школе увлёкся чтением, литературой. А ещё самостоятельно занялся переводами с немецкого (мальчишке не было и 13 лет, когда началась Великая Отечественная война. А в те годы многие юноши и девушки изучали немецкий язык, готовясь, конечно же, в разведчики). Позже Виктор профессионально овладел немецким языком, самостоятельно изучил английский.

Сочинять стихи начал ещё в школе. Но, как заметил сам Симонов в своей автобиографии, «писать начал рано, печататься — поздно». Романтическая душа привела Виктора в Московский институт инженеров землеустройства, который он окончил в 1952 году. Будучи геодезистом, Виктор Алексеевич много поездил по родной стране, был в КНР. Работа в изыскательских партиях, в строительных отрядах — среди природных красот (и одновременно суровых буден) Сибири, Забайкалья, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, рядом с молодыми товарищами-романтиками 50-х — 60-х — не только наполняла душу поэта новыми впечатлениями, но и питала его творчество. Как отметил руководитель курса, на котором Виктор Симонов учился в Литинституте, поэт А. Жаров, «Поэзия В. Симонова интересна тем, что она живая, не выдуманная...». И ещё — «в героях В. Симонова мы видим героев нашего времени, преобразователей жизни...» — т.е. простых парней и девчат, рабочих, геологов, строителей, с которыми Виктор Алексеевич Симонов прошёл не один километр, съел, как говорится, не один пуд соли...

Литературный институт им. Горького Виктор Симонов окончил (заочно) в 1963 году. Кстати, с 1962 года в этом институте учился Николай Рубцов. Наверняка их творческие пути-дорожки пересекались. Тем более что Николая Рубцова и Виктора Симонова объединяла любовь к творчеству замечательного поэта-рязанца (почти земляка В. Симонова) Сергея Есенина.

Виктор Симонов печатался много. Его стихи, очерки, рассказы публиковались в газетах «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», «Социалистическая индустрия», «Комсомолец Узбекистана», «Комсомолец Киргизии», «Комсомолец» (Челябинск) и других. И, конечно же, на родине — в газете «По ленинскому пути». В своих родных Луховицах Виктор был одним из первых участников литобъединения, организованного по инициативе «патриарха луховицкой поэзии», поэта-суриковца М.В. Праскунина. Приезжая «из дальних странствий» на свою малую родину, Виктор Алексеевич всегда

встречался с коллегами по перу, а для молодых поэтов был мудрым наставником. Умел Виктор Симонов писать и для детей. И не случайно в 1974 году издательство «Малыш» выпустило две книги нашего автора – сборник стихов «Солнце в дупле» и повесть для детей «Как вертолёт поле полол».

К сожалению, Виктор Алексеевич не успел издать отдельную книгу своих «взрослых» стихов. Только в различных сборниках последнего времени (например, в луховицких «Земляках») можно найти его поэтические произведения. А его замечательные очерки вообще затерялись в газетных подшивках, а также хранятся в фонде Луховицкого историко-художественного музея. Лишь в наше время в Луховицах вышли два сборника Виктора Симонова: «Сокровенное» (2013 г.) и «Я по радуге бегу» (2016 г.).

Много творческих замыслов было у Виктора Симонова. Он задумал написать историческую книгу о событиях 1905 года в Луховицах и Зарайске (бывшем тогда уездным центром нашего края). Ведь участники Первой русской революции тоже были во многом романтиками – революционными. Но не успел... Многое из задуманного не успел воплотить в жизнь Виктор Симонов... Но живут его стихи, его проникнутые романтизмом очерки, рассказы. И, обращаясь к творчеству Виктора Алексеевича Симонова, мы словно попадаем в замечательное время, время настоящих романтиков, которые могут и нас, живущих в «высокотехнологичном XXI веке», зажечь... любовью к настоящей жизни, любовью к окружающему нас (естественному!) миру. Приведём строки Виктора Симонова из его заветного путевого блокнота:

Да здравствует мир-громадина,
ветрами щедро исхлёстанный,
да здравствует романтика
юности краснозвёздной!..

Романтику «краснозвёздной юности» Виктор Симонов сохранил на всю свою творческую жизнь – от «малой речки под горой» до «голубых ледников Тянь-Шаня». И – к вершинам поэзии!..

«Я К ВАМ ПРИШЁЛ ИЗ-ПОД РЯЗАНИ»

(Поэты-рязанцы Сергей Есенин и Иван Морозов)

Я к вам пришёл из-под Рязани
На братский клич, на дружный зов,
С запасом песен и сказаний
Родных приокских берегов.
Я к вам пришёл, купаясь в росах,
Нырняя в пуще ковыля,
Где нарушал мой верный посох
Вечерний скрип коростеля...

Несведущий читатель вполне может принять эти поэтические строки за есенинские. Улавливается созвучие, да и «адрес», как говорится, в самом стихотворении звучит: «...пришёл из-под Рязани», «...родных приокских берегов». Впору бы говорить о «неизвестном доселе» произведении С. А. Есенина. Но строки эти уже давно известны и принадлежат они нашему земляку поэту Ивану Игнатьевичу Морозову (1883—1942), уроженцу с. Луховицы Зарайского уезда Рязанской губернии (*ныне — г. Луховицы Московской области*). К сожалению, говорить о широкой известности творчества Ивана Игнатьевича в наше время не приходится. Конечно, в Луховицах его имя известно. Стихотворения Морозова и биографические статьи о нём опубликованы в поэтических сборниках «Земляки» (стихи луховицких поэтов, 5 сборников — 1993, 2002, 2004, 2007, 2009 гг. изд.), а также печатались в местной прессе — газетах «По ленинскому пути» (ныне «Луховицкие вести») и «Луховицкий горожанин», в подмосковной газете «Ленинское знамя». Краткие биографические сведения есть в обеих луховицких энциклопедиях: «Луховицы — родной уголок России»¹ и «Энциклопедия Луховицкого муниципального района»². К сожалению, почему-то нет персоналии на И. И. Морозова в основном издании Рязанской энциклопедии (ведь Морозов — уроженец в том числе Земли Рязанской). Есть она лишь в 18-м томе справочных материалов к «Рязанской энциклопедии»³. Имеется ещё книга «Поэзия Рязанского

края. XIX век»⁴, в которой опубликованы краткая биография и несколько стихотворений И.И. Морозова. Можно назвать ещё ряд публикаций в книжных изданиях и периодической печати (см., например, сборники: «Поэзия XIX — нач. XX вв.» — М., 1984; «Всегда в строю». — М., 1987; «Серебряный век русской поэзии». — М., 1993; а также переизданную в 1991 году «Антологию русской лирики первой четверти XX века» И.С. Ежова и Е.И. Шамурина, которая была впервые выпущена в 1925 году, где опубликованы также и стихи С. Есенина. Интересны воспоминания Е. Шарова «Поэт И.И. Морозов и писатели-суриковцы». — газ. «Путь к коммунизму», 1960, № 32 — 37).

Самой полной (насыщенной фактами) на сегодняшний день является энциклопедическая статья о И.И. Морозове в 4-м томе Биографического словаря «Русские писатели. 1800 — 1917»⁵. Она интересна уже тем, что её автором является правнук Ивана Игнатьевича, кандидат филологических наук Сергей Владимирович Лысенко. Работая в архивах, используя материалы, хранящиеся у потомков поэта, Сергей Владимирович собрал много интересных, до этого неизвестных, фактов жизни и творчества своего прадеда — нашего земляка. Всем любознательным читателям рекомендую познакомиться с этой статьёй. Не буду пересказывать её, затрону лишь несколько моментов биографии поэта. Первый — о рождении Ивана Игнатьевича Морозова. Во всех его биографиях говорится одно и то же: «Родился 13 (25) ноября 1883 г. в с. Луховицы Зарайского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье...». В дополнение к уже написанному приведу нигде ранее не публиковавшиеся сведения из метрической книги Введенской церкви с. Подлесная Слобода (в Луховицах в то время церкви не было, её жители являлись прихожанами вышеназванной церкви), где есть запись за 1883 г.: «Ноябрь. 13-е. Иоанн. Родители: деревни Лухович государственный крестьянин Игнат Семёнов Морозов и законная жена его Параскева Сергиева, оба православного исповедания <...> Совершил таинство помощник настоятеля священник Стефан Загорский с пономарём Дмитрием Любавским»⁶.

Так вот, во-первых, эта запись опровергает сведения в некоторых публикациях (например, в «Энциклопедии Луховицкого муниципального района» и в сборнике «Земляки-2») о том, что Морозов происходил из «семьи крестьян-молочан» (так что и А. М. Горький, будучи автором предисловия к первому сборнику стихов Морозова «Разрыв-трава», вышедшему в Санкт-Петербурге в 1914 г. (фактически вышел из печати только в 1917 г.), был неправ, говоря о том же). Во-вторых, что особенно интересно для нас, луховицких краеведов: Ивана Игнатьевича крестил священник Стефан Загорский – отец Екатерины Степановны Загорской, первой жены Константина Георгиевича Паустовского. А это значит, что учительницей будущего поэта в местной сельской школе была мать Екатерины Степановны Мария Яковлевна Загорская. В биографиях И. И. Морозова пишут, что именно в школе он написал своё первое стихотворение, и именно учительница знакомила его с произведениями русских поэтов. Этот факт может стать темой новой работы о жизненном и творческом пути И. И. Морозова – «Морозов – Загорские – Паустовский».

И ещё об одном, в связи с биографией Морозова, надо сказать: будучи поэтом-самоучкой, он являлся активным членом Суриковского литературно-музыкального кружка, был секретарём и членом его правления, при этом не только печатал свои произведения в различных изданиях, но и редактировал некоторые из них. Морозов был хорошо знаком и дружен со многими литераторами первой половины XX века: А. М. Горьким, С. Г. Скитальцем, А. С. Новиковым-Прибоем, В. А. Гиляровским, Н. Д. Телешовым, С. Д. Дрожжиным, С. П. Подъячевым, П. В. Орешиним, А. В. Ширяевцем и др. А также – с С. А. Есениным. Именно в статье из биографического словаря «Русские писатели» я и нашёл «зацепку» для ответа на давно интересовавший меня вопрос: пересекались ли пути-дорожки двух поэтов-рязанцев, наших земляков И. И. Морозова и С. А. Есенина?

Так, в перечне литературы к статье о Морозове в вышеназванном словаре значится работа Есенина «О пролетарских писателях...». Теперь достаточно было заглянуть

в есенинское собрание сочинений, чтобы узнать, что Сергей Александрович писал о нашем земляке. В пятом томе самого нового, 7-томного, полного собрания сочинений С. А. Есенина можно прочитать эту неоконченную статью (статья не была озаглавлена самим автором, а её название в выше-названном издании звучит так: «О сборниках произведений пролетарских писателей»).

В своей работе Есенин пишет о творчестве И.И. Морозова следующее:

«...всё, что явлено нам в этих сборниках, есть лишь слабый звук показавшейся из чрева пространства головы младенца. Конечно, никто не может не приветствовать первых шагов ребёнка, но никто и не может сдержать улыбки, когда этот ребёнок, неуверенно и робко ступая, качается во все стороны и ищет инстинктивно опоры в воздухе. Посмотрите, какая грозь в слабом тельце Ивана Морозова. Этот ребёночек качается во все стороны, как василёк во ржи. Вгляди-тесь, как заплетаются его ноги строф:

*Повеяло грустью холодной в ненастные дни листопада,
И чуткую гушу тревожит природы тоскующий лик,
Не слышно пленительных песен в кустах бесприютного сада,
И тополь, как нищий бездомный, к окну сиротливо приник.*

Здесь он путает левую ногу с правой, здесь спайка стиха от младенческой гибкости выделывает какой-то пятки ломающий танец. Поставьте вторую строку на место третьей и третью на место второй, получается стихотворение совершенно с другой инструментовкой:

*Повеяло грустью холодной в ненастные дни листопада,
Не слышно пленительных песен в кустах бесприютного сада,
И чуткую гушу тревожит природы тоскующий лик,
И тополь, как нищий бездомный, к окну сиротливо приник.*

Этого даже нельзя придумать нарочно. Такая шаткость строк похожа на сосну с корнями вверх, и всё же мысль остаётся почти неизменной...»⁷.

Чтобы читатели сами смогли осмыслить правоту (или неправоту) Есенина, приведём стихотворение «Из осенних мотивов» И.И. Морозова полностью.

Повеяло грустью холодной в ненастные дни листопада,
И чуткую душу тревожит природы тоскующий лик,
Не слышно пленительных песен в кустах бесприютного сада,
И тополь, как нищий бездомный, к окну сиротливо приник.

Густой пеленой и волнистой ложится туман над долиной,
Готово расплакаться небо, печалью лицо осенив,
И, сердце тоской ущемляя, проносится крик журавлиный
Из выси, окутанной мглою, над глушью безжизненных нив.

И листья под свист непогоды бегут и бегут по дороге
В тоскливые серые дали, куда унеслись журавли.
Бурьян на меже увядает и рвётся в бесшумной тревоге
К пределам далёкого неба от скучной и серой земли.

А сердце тоскует и плачет — немало невзгод пережито
И жаль промелькнувшего лета. Но вера не гаснет в груди:
Пускай тяжело мне и грустно — не всё ещё в жизни убито,
И много отрады и света, и песен любви впереди!⁸

Статью Есенина специалисты-есениноведы датируют 1918 г. В то время Сергей Александрович — уже признанный поэт, к его мнению прислушиваются, с ним считаются. Он был критиком поэтического цеха, и критиком весьма жёстким и требовательным. Так что столь критически-поучительные замечания в адрес коллеги по творчеству, к тому же не новичка в поэзии, вполне в духе времени (кроме стихотворения Морозова, Есенин в своей статье критически разбирает произведения М.П. Герасимова, К.К. Худякова и других писателей). Ещё надо заметить, что это не была

критика известным поэтом неизвестного, «начинающего»; к тому времени Морозов печатался уже на протяжении 15 лет и был довольно известным поэтом.

Кроме того, к моменту написания статьи Есенин и Морозов были хорошо знакомы друг другу. В комментариях к статье Есенина читаем:

«Среди книг, которые были в домашней библиотеке Есенина в селе Константиново, находился сборник стихотворений И. Морозова «Красный звон» (М., 1916; с биографическим очерком, написанным С.Д. Дрожжиным) с надписью: «Симпатичному поэту нашему, рязанцу Сергею Александровичу Есенину на память о первой встрече. Иван Морозов. 17. VI – 1916 г.». На последней странице обложки рукой Есенина – пометка карандашом: *«Ивану Игнатьевичу Морозову. Москва, Николаевский вокзал, 9 участок пути. Послать ему «Радуницу»... Была ли послана Морозову «Радуница» – неизвестно»⁹.*

Ныне эта книга Морозова с дарственной надписью Есенину хранится в Российской государственной библиотеке. Сама же надпись свидетельствует о том, что встреча (очередная!) двух поэтов состоялась 17 июня 1916 г. в Москве. Об этом говорится и в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина»¹⁰. Надпись же карандашом на последней странице обложки сделал (по предположению С. В. Лысенко) сам Морозов (а не Есенин, как утверждается в приведенном нами тексте комментария), таким образом напоминая коллеге о желании получить в ответ его сборник «Радуница» с автографом. И, как вспоминали потомки Морозова, такая книга в его библиотеке была, но судьба её в настоящее время неизвестна (И. И. Морозов умер в Москве в грозном 1942 году. Весь его архив и библиотека погибли при бомбёжке).

Что же касается первой встречи поэтов, то я уверен, что она состоялась ещё раньше. Из вышеупомянутой «Летописи...» мы узнаём, что с ноября 1912 г. по март 1913 г., будучи членом Суриковского литературно-музыкального кружка,

Есенин занимался распространением среди рабочих журнала «Огни», редактором которого был в то время И. И. Морозов¹¹. Вероятно, именно тогда и состоялось их первое знакомство. Тем более что два есенинских стихотворения того периода – «Буря» и «Ты ушла и ко мне не вернёшься» – сохранились благодаря тому, что их записал в своих заметках Морозов. В комментариях к 4-му тому полного собрания сочинений Есенина по поводу этих стихов говорится:

«Печатается по списку, сделанному рукой Ивана Игнатьевича Морозова (1883–1942), поэта, члена Суриковского литературно-музыкального кружка [ИМЛИ]. Автограф неизвестен. В этом списке под названием «Неизданные стихотворения Сергея Есенина (к 5-летию со дня его смерти – 28. XII. 25 г.) », содержащем стихи «Буря» и «Ты ушла и ко мне не вернёшься...», говорится: «Стихотворения Сергея Есенина относятся к раннему периоду его литературной деятельности. Сданы они им были в редакцию журнала «Млечный Путь», объединявшего вокруг себя группу крестьянских писателей из состава тогдашнего Суриковского литературного кружка. <...> Настоящие стихотворения не были своевременно напечатаны за прекращением издания журнала и переданы были мне для начатой работы по собиранию сведений о жизни и творчестве писателей-самородков. Иван Морозов». Датируется годами участия Есенина в работе Суриковского кружка, а также с учётом свидетельства И. И. Морозова»¹².

Чуть позже мы ещё раз обратимся к этим стихотворениям Есенина (воистину – спасённым для нас Морозовым), тем более что одно из них подвигло меня на довольно смелое предположение.

Свидетельства о знакомстве И. Морозова и С. Есенина в конце 1912 года имеются также в воспоминаниях писателя-суриковца Ефима Шарова (см.: Шаров Е. Четыре встречи // Дон, 1971, № 1, С. 187). В этих воспоминаниях говорится о первом выступлении С. Есенина в Суриковском кружке, на котором присутствовал И. Морозов. Воспоминания

Е. Шарова о поэтах И. Морозове и М. Праскуanine, а также отрывок из его статьи «Четыре встречи» изданы в Луховицах отдельной книгой (см.: Шаров Е. Поэты-суриковцы Михаил Праскунин и Иван Морозов. Отрывок из статьи «Четыре встречи» (о С. Есенине). — Луховицы: ИД «Серебро Слов», 2013. — 32 с.).

Таким образом, пути-дорожки Есенина и Морозова сблизились, и довольно тесно.

Ещё пример: в том же 1916 г., когда наши земляки-поэты обменялись сборниками с автографами, петроградская газета «День» дала анонс содержания 11-го номера «Ежемесячного журнала». В разделе «Стихотворения» перечислены поэты, чьи стихи публикуются в журнале. Интересно, что имена Есенина и Морозова стоят рядом!

«Встретились» они и через два года в 1-м номере журнала «Вестник жизни: итоги политики, науки, литературы и искусства» (издание ВЦИК, начало декабря 1918 г.), в котором были опубликованы в том числе поэма Есенина «Марфа Посадница» и стихи Морозова¹³.

Вот такие интересные для нас факты. Они красноречиво говорят о том, что два рязанца, два поэта из народной среды (пусть и не равные по таланту и известности) Есенин и Морозов близки, даже родственны в любви к своей земле, её красотам, в понимании нужд и чаяний простых людей. И хочется верить, что в скором будущем мы сможем найти ещё свидетельства творческого общения двух наших поэтов.

Можно также провести сравнительный анализ произведений Есенина и Морозова, особенно раннего периода творчества того и другого. Ведь не случайно мы упомянули в самом начале данной работы о созвучии лирике Есенина морозовских строк «Я к вам пришёл из-под Рязани». Кстати, по утверждению С. В. Лысенко, основанному на воспоминаниях его бабушки — дочери Морозова, именно это стихотворение Иван Игнатьевич показал С. А. Есенину при их встрече.

А теперь вновь вернёмся к стихотворениям Есенина «Буря» и «Ты ушла и ко мне не вернёшься». Для начала прочитаем их:

Буря

Дрогнули листочки, закачались клёны,
С золотистых веток полетела пыль...
Зашумели ветры, охнул лес зелёный,
Зашептался с эхом высохший ковыль...

Плачет у окошка пасмурная буря,
Понагнулись вётелы к мутному стеклу
И качают ветки, голову понуря,
И с тоской угрюмой смотрят в полумглу...

А вдали, чернея, выползают тучи,
И ревет сердито грозная река,
Подымают брызги водяные кручи,
Словно мечет землю сильная рука.

<1913-1915>

***

Ты ушла и ко мне не вернёшься,
Позабыла ты мой уголок
И теперь ты другому смеёшься,
Укрываясь в белый платок.

Мне тоскливо, и скучно, и жалко,
Неуютно камин мой горит,
Но измятая в книжке фиалка
Всё о счастье былом говорит.

<1913-1915>

Замечу: здесь, на мой взгляд, тоже улавливается созвучие, теперь уже лирики Есенина с лирикой Морозова (примеров приводить не буду, советую интересующимся почитать — параллельно! — стихи обоих поэтов). Я же хочу высказать предположение, что стихотворение Есенина «Ты ушла и ко мне не вернёшься» посвящено Анне Алексеевне Сардановской (1895 — 1921), подруге юности поэта, его первой

любви, которая является главным (по моему твёрдому убеждению) прообразом героини поэмы «Анна Снегина». О есенинской «девушке в белой накидке» написано много статей и книг. До сих пор идут споры: кто скрывается за этим образом? Повторю: я твёрдо убеждён, что это — Анна Сардановская. Не буду сейчас подробно раскрывать здесь эту тему, скажу только, что среди женщин Есенина А. А. Сардановская оказалась «в тени». Хотя и имеются интересные публикации. О взаимоотношениях Анны Сардановской с Сергеем Есениным хорошо написали известный есениновед Юрий Львович Прокушев¹⁴, подмосковный краевед Николай Чистяков¹⁵ а также — рязанский краевед и есениновед Николай Васильевич Обыдёнкин¹⁶.

Так вот, тема «девушки в белом» присутствует и в прочитанном нами стихотворении: строчка «укрываясь в белый платок». Если учесть, что стихотворение это датируется 1913 — 1915 гг., то оно, конечно же, говорит об очень непростых отношениях Есенина и Сардановской (именно в эти годы произошёл разрыв в их любовных отношениях: у Сардановской появился «какой-то новый возлюбленный», а Есенин уехал в Москву). Но эта тема для следующей статьи. А любознательным читателям вновь советую прочитать названные мною выше работы об Анне Сардановской. И, конечно же, — внимательно! — стихотворение «Ты ушла...».

Вот так луховицкий поэт Иван Морозов сохранил для нас стихотворение Сергея Есенина, посвящённое (я в этом теперь твердо уверен) Анне Сардановской, чья судьба также была связана с Луховицким краем: она жила, работала учительницей и умерла в с. Дединово Луховицкого района, куда С. Есенин писал ей письма (а, по некоторым данным, и приезжал).

Уверен, что есть ещё направления для поисков краеведов и есениноведов по данной теме. А также по теме «Есенин и Луховицкий край».

1. И. И. Морозов // Луховицы — родной уголок России: Энциклопедия Луховицкого района Московской области. — М., 1996. — С. 110.

2. Морозов Иван Игнатъевич (1883–1942) // Энциклопедия Луховицкого муниципального района. – М., 2009. – С. 137.

3. Ремнев В. И. Морозов Иван Игнатъевич // Рязанская энциклопедия: Справочный материал. – Рязань, 1997. – Т. 18: Литераторы, литературоведы / Ред. Д. В. Бочаров. – С. 63.

4. Братанова В. А., Вишнякова Р. Я., Лазарев Ю. В. Морозов Иван Игнатъевич (1883–1942) // Братанова В. А., Вишнякова Р. Я., Лазарев Ю. В. Поэзия Рязанского края. XIX век: Хрестоматия. – Рязань, 2001. – С. 55–57.

5. Лысенко С. В., Блинкина О. Е. Морозов Иван Игнатъевич [13(25).11.1883, с. Луховицы Зарайского у. Рязан. губ. – 26.02.1942, Москва; похоронен на Пятницком кладб.] // Русские писатели. 1800–1917. – М., 1999. – Т. 4: М. – П. – С. 131–133.

6. Луховицкий муниципальный архив. Ф. 68. Оп. 1. Д. 168. Л. 325об. – 326.

7. Есенин С. А. О сборниках произведений пролетарских писателей // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в семи томах. – М., 1997. – Т. 5: Проза. – С. 236–237.

8. Морозов И. И. Из осенних мотивов // Сборник пролетарских писателей. – Петроград, 1917. – С. 116–117.

9. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в семи томах. – М., 1997. – Т. 5: Проза. – С. 537–538.

10. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в пяти томах. – М., 2003. – Т. 1: 1895–1916. – С. 374.

11. Там же. – С. 152.

12. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в семи томах. – М., 1996. – Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». – С. 354.

13. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в пяти томах. – М., 2005. – Т. 2: 1917–1920. – С. 189.

14. Прокушев Ю. Л. Первая любовь Сергея Есенина // Слово. – 1998. – № 6. – С. 52–65; Прокушев Ю. Л. «Да, мне нравилась девушка в белом...»: (первая любовь поэта) // Современное есениноведение. – 2005. – № 2. – С. 71–90.

15. Чистяков Н. Д. Королева у плетня. – Орехово-Зуево, 1996. – 99 с.

16. Обыдёнкин Н. В. «Далёкие милые были!..» // Обыдёнкин Н. В. «Россия поклоняется Есенину». – Рязань, 2001. – С. 67–72 (и другие публикации этого автора).

Сергей Кулешов

г. Луховицы, Московская обл.

КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ДЕНИСОМ МИНАЕВЫМ

Одним осенним вечером 2008 года в моей квартире раздалась звонкая домофонная трель. Я, как обычно, не задавая стандартного вопроса «Кто там?», нажал на кнопку и открыл замок. В следующее мгновение в дверном проёме моего жилища вырос высокий широкоплечий мужчина, который, добродушно улыбнувшись и узнав моё имя, спросил: «Можно я пройду?». Посмотрев на гостя снизу вверх, я понял: пройти ему, бесспорно, можно. Попробуй такому здоровяку отказать... Так я познакомился с замечательным писателем Денисом Минаевым. Оказалось, что Денис совсем недавно переехал в наши края и искал творческих людей, потому что, несмотря на свою тогдашнюю не совсем поэтическую профессию (он работал водителем автобуса), без литературы он жить просто не мог. Этот яркий, незаурядный, талантливый человек придал новые силы многим творческим натурам. Его оптимистичная жизненная позиция внушала веру в лучшее и призывала к действию. Анабиоз, сковывавший тогда луховицких авторов, стал постепенно отступать, пульс культурного общества потихоньку приходил в норму. Денис действительно явился неким двигателем. Он постоянно ездил по библиотекам, знакомился с писателями, краеведами, художниками, пробуждая и объединяя их.

С тех пор прошла масса времени. Нам вместе пришлось многое пережить, но, как бы ни подтрунивала над нами судьба, мы всегда поддерживали друг друга, всегда были рядом. Вот так осенний вечер 2008 года подарил мне замечательного и верного друга, собрата по перу и настоящего Человека.

Совсем недавно произошёл ещё один курьёзный случай, непосредственно связанный с его творчеством. Я по воз-

возможности распространял книги Дениса среди знакомых и друзей, потому что считаю его произведения НАСТОЯЩИМИ. Среди прочего я всегда старался улучшить удобный момент для ознакомления всех своих знакомых, обзаведшихся детьми, с книжкой-раскраской «Одуванчик», где были размещены детские стихи моего друга. И вот однажды, сидя в кафе и отмечая профессиональный праздник со своими бывшими сотрудниками, я обмолвился о том, что у меня в машине, стоящей на улице, есть такое замечательное издание. Ребята заинтересовались и попросили по несколько экземпляров для себя и своих друзей. Праздник затянулся. Из кафе мы перебрались в баню, откуда все благополучно разъехались на такси по домам в районе 6 утра. Одним из самых стойких, уехавших в числе последних, оказался мой друг с бывшей работы, который собирался вскорости во второй раз стать отцом. Его состояние-нестояние на тот момент нетрудно представить. Вечером того же дня этот отмечавшийся семьянин позвонил мне и долго благодарил за раскраски, которые я ему вручил. Дело в том, что, когда он вернулся домой, на пороге его встречала супруга, в руке которой подозрительно недобро поблёскивала здоровенная сковородка. Но когда жена увидела в его руках детские книжки Дениса, гнев сменился умилением и благоверный без особого вреда для здоровья был отправлен на боковую. Вот это муж! В каком состоянии и в котором часу ни явился бы, а о детях помнит!

Так что творчество Дениса способно не только заставить задуматься, улыбнуться или, наоборот, погрустить, оно может спасти вас от скандала или, не дай Бог, непреднамеренного членовредительства в состоянии аффекта. Читайте книги Дениса Минаева и держите по одному экземпляру всегда под рукой... На всякий случай...

28-29.10.2015

Луховицы

Ирина Китаина

г. Москва

ГИМН ИНСТИТУТА И ТРОЛЛЕЙБУСНОЙ ОСТАНОВКИ

Несколько лет назад жители Басманного района были не на шутку взволнованы: городские власти сообщили, что отменяется маршрут троллейбуса номер 25. Такой нужный маршрут: от проспекта Будённого до Лубянки, через Большую Семёновскую, Электrozаводский мост, Бакунинскую, Елоховский собор, площадь Разгуляй, Покровку, Маросейку! Такие родные и необходимые остановки! Сегодня, когда троллейбусов в Москве уже нет, этот легендарный маршрут восстановлен — комфортабельный автобус следует по всем вышеназванным пунктам, на радость «бауманцам» (кто не знает: Басманный район — это бывший Бауманский, старожилы до сих пор путают иногда).

Песня об остановке

Мне тоже очень дорог этот маршрут. Много лет я ездила на двадцать пятом от остановки «Балакиревский переулок» до «Улицы Лукьянова» (теперь «Музей декабристов»). Мне тоже очень дорог этот маршрут — я знала по пути следования каждый дом, каждый камень, как говорится.

Остановка «Улица Лукьянова» много лет вызывала у меня какие-то смутные ассоциации. Я не могла вспомнить, но всё же... Однажды меня озарило. Будучи школьницей, я услышала в одной телепередаче песню со словами «Улица Лукьянова, остановка МИХМ...» Мне показалось, что мои изыскания, связанные с историей родного Басманного района, будут неполными без этого произведения. Я погрузилась...

Мои исследования

Я погрузилась, я окунулась, я узнала очень многое, связанное с родной школой № 342 на Большой Почтовой

и со школой № 348 в Переведеновском переулке (теперь они объединены в Центр образования № 1429), Московским институтом химического машиностроения (ныне Московский государственный машиностроительный университет), многочисленными переименованиями, а главное — историей Бауманского района периода Великой Отечественной войны. Списалась с автором гимна МИХМа, передала интересные материалы музею Центра образования в Переведеновском и т. д и т. п. Но всё по порядку.

Гимн МИХМа

Мои исследования привели меня к выпускнику МИХМа Сергею Егорову (Эндеру), который в начале 1970-х годов написал гимн своего института под названием «Улица Лукьянова». В этом гимне, который исполнила по телевизору команда МИХМа (конкурс агитбригад), отразилось всё: и переполненный 25-й троллейбус, из которого по утрам выходят толпы студентов, и зимняя пора экзаменов, и атмосфера студенческой дружбы, и единение пассажиров.

По утрам в троллейбусе здорово толкаются,
И толпа знакомая шутит и шумит.

Как это приятно, что водитель объявляет:
«Улица Лукьянова. Остановка МИХМ».

Начались экзамены. Снег на крыше тает.
Вместо формул музыка в голове шумит,
И декан, нахмурившись, сурово заявляет:
«Это вам не Гнесиных, это, братцы, МИХМ!»

Лекции, экзамены, ночи над проектами,
Нам до самой пенсии вспоминать про них.
Кто-то стал конструктором, кто-то стал директором,
Каждый в сердце с гордостью носит имя МИХМ!

Всё-таки в троллейбусе здорово толкаются,
И толпа с портфелями шутит и шумит,
Но как это прекрасно, что водитель объявляет:
«Улица Лукьянова. Осторожно, МИХМ!»

Выпускник МИХМа 1974 года Сергей Егоров говорил, что «песня была написана в 1973 году весной», когда он «учился на четвёртом курсе». Тогда он не воспринимал своё произведение как гимн, но сегодня не скрывает, что ему «приятно быть автором гимна своей Альма матер».

А мне приятно, что почти полвека есть свой гимн, своя песня у остановки на Старой Басманной! И как всё точно описано, и какие родные слова, слышанные сотни раз за много лет из динамика в родном «синем троллейбусе»: «Площадь Разгуляй, следующая остановка — улица Лукьянова, МИХМ»!

О двух переименованиях

Жаль, конечно, что теперь не услышишь: «Остановка Улица Лукьянова». Восстановленный дом Муравьёвых-Апостолов и созданный в нём музей дали этой остановке другое название: «Музей декабристов». Москвичи к ней как-то сразу привыкли!

Улица Лукьянова получила своё название в 1964 году прошлого века, а до этого называлась «Бабушкин переулок». Это переименование связано с военно-поисковой работой учителей и учеников школы № 348 в Переведеновском переулке. Это они установили, что в соседней (моей родной!) школе № 342 на Большой Почтовой формировался 21-й полк 7-й дивизии Бауманского народного ополчения.

Слава ополченцам!

Именно отсюда уходили на фронт добровольцы-бауманцы, которым ныне установлен памятник на площади Разгуляй (скульптор Зураб Церетели). Именно отсюда ушли на фронт Герои Советского Союза — лётчики-асы Николай Бобров (его имя носит Центр образования № 1429) и Александр Лукьянов (в его честь и переименовали улицу, а затем и остановку). И, конечно, мне захотелось написать стихи об этом событии, которые вскоре прочитали школьники на открытии памятника ополченцам столицы:

Снова мы приходим к монументу...

Снова — эти свежие цветы...

Снова эти скорбные моменты...

Боль утраты, горечь пустоты...

Памятник московским ополченцам,

Тем, кто здесь работал или жил,

Разгуляя храбрым уроженцам —

Всем, кто этот подвиг совершил!

Всем, кто защищал Москву родную!

Всем, кто по велению души —

Шёл на бой! Не мыслил кто иную

Жизнь — в тепле, покое и тиши!

Школьники, рабочие, студенты!

Ты — с Гороховского! С Токмакова — он!

Памятники, доски, монументы!

И от москвичей — земной поклон!

ДАЧНЫЕ ИСТОРИИ

С Казанского вокзала

Своей дачи у нас никогда не было, но мы были настоящими дачниками: сколько себя помню всегда летом на даче! И всегда с Казанского вокзала! А когда переехали с Чистых прудов на Бакунинскую — рядом была Электрозаводская, — добираться до дачи стало даже быстрее. С моего рождения мы снимали дачу на станции «42-й километр», затем бабушке стали давать госдачу в Малаховке — на стороне озера и напротив. Подъезжаешь к «42-му км» — синее небо, сосны, целебный воздух, дачи, дачи, дачи... Малаховский пейзаж более индустриальный. Последняя госдача даже располагалась на стороне МЭЗа — посёлка Малаховского экспериментального завода.

42-й километр

Сначала мы занимали отдельный домик, а потом переселились в дом к хозяевам — у нас была комната и терраса, кухня была в отдельном помещении во дворе. Готовили на керосинках, но не хуже, чем в Москве на газу: первое, второе, третье. Даже пекли пирог с ягодами в огромном чуде — металлической форме из двух частей с отверстием посередине. Дедушка первый утром занимал очередь за молоком. Его потом кипятили, а оставшееся он разливал в майонезные баночки и ставил на подоконник — через пару часов отменная простокваша была готова. Холодильник под забытым названием «Газоаппарат» служил нам долгие годы, а однажды даже чуть не стал причиной выселения с гостячи — но об этом дальше. Жили всю неделю четвером: я, бабушка, дедушка и няня Наташа, — а на выходные приезжала мама и иногда папа. Он только что приобрёл «Запорожца» — и мы всей семьёй мыли и тёрли до блеска маленькую машину. Причём в этом процессе принимала участие даже бабушка, которая с папой враждовала после развода родителей.

Хозяйка разводила астры на продажу. Мой дедушка с зимы покупал ей элитные семена в одноимённом магазине на улице Кирова (теперь опять Мясницкая). Астр становилось всё больше и больше. Мы ходили по узеньким дорожкам, и даже место для гамака со временем стало обрамлено грядками (дедушка сплёл гамак сам из плоских полосок ткани). Перед Первым сентября хозяйка всегда срезала мне самые красивые астры — и я несла их в школу: игольчатые, белые, розовые, фиолетовые.

Развлечения

Жизнь на даче была достаточно насыщенная. Во-первых, в отдельном домике поселилась семья Наташи, которая стала моей лучшей подругой. Во-вторых, по выходным мы ездили на автобусе в город Жуковский: там был кинотеатр и очень хорошие магазины, которые я до сих пор помню. Например, «Детский мир», где нам с Наташей купили одинаковые розовые платья. А ещё — «Сказка», потрясающий магазин

сувениров, с отделом бижутерии, от которой захватывало дух: мы жили с мечтой о колечке или золотом сундучке для драгоценностей. В-третьих, на стороне нашей дачи, за сплошным забором, были некие казённые ведомственные дачи. Это было просто Зазеркалье. Пруд, дорожки, аккуратные домики, кинотеатр, магазин. Мой дедушка имел право прохода на территорию дач — ходил в магазин, покупал дефицитные продукты, брал в судках обеда в столовой. Но для этого надо было в Москве делать пропуск, о чём он забывал. И в основном мы, как и другие, пробирались сюда нелегально — через дырку в заборе. Надо сказать, что обитатели дач были решительно настроены по отношению к пришельцам. Они организовывали дежурство на территории и были безжалостны. Например, однажды прокололи мне круг — я чуть не пошла ко дну, так как не умела плавать. А у Наташиной бабушки тёти Тины вообще забрали один шлёпанец, когда она плавала. Так обитатели дач (говорили, что там живут мелкие сошки) боролись с незваными гостями.

Мосдачтрест

В начале 70-х мы переехали с Чистых прудов на Бакунинскую. Это совпало с получением дедушкой госдачи от Бауманского райисполкома. Сначала мы с мамой и бабушкой поехали посмотреть дачу. Нам понравилось. Огромный участок, на котором располагалось несколько дачных финских домиков — они были огорожены, но заборов между домами не было. Нам предлагали две маленьких комнаты на первом этаже, рядом кухня, удобства — на улице. Проживание с мая по октябрь стоило какую-то символическую сумму — 49 рублей! Плюс на складе конторы можно было за небольшую плату взять матрасы, стулья и, конечно, газовый баллон, который привозил лихой газовщик Виктор на пожилom тяжеловесе — Маше, усталой тихой чёрной мосдачтрестовской лошадке. К сожалению, на госдачу мы не взяли няню Наташу. Бабушка сказала, что на госдаче неприлично жить с домработницей. Наташа приезжала к нам вместе с мамой на выходные — просто в гости. Спала, кушала, качалась

на гамаке — словом, отдыхала, что мне видеть было очень непривычно, но весьма приятно. Наташа вырастила всех нас — и заслужила отдых!

Министр электрификации

Кое-какие вещи мы всё же привезли с дачи на 42-м километре. Например, холодильник «Газоаппарат». Малюсенький, он прекрасно морозил, а главное, что он ещё и грел почему-то — вот такое устройство. У нас всегда было тепло, и соседи заподозрили неладное. Вернее, они подумали, что у нас есть обогреватель, который мы не оплачиваем. Нас решили проверить. Инициатором стала сорокалетняя Шурочка — преподаватель политэкономии в каком-то вузе. С солидной комиссией дачников она пришла к нам и стала осматривать комнаты: залезала под кровати, смотрела за занавесками. Это было очень унижительно. Дедушке нездоровилось — он лежал на кровати, мы с бабушкой стояли растерянные. Нашим словам о том, что тепло идёт от холодильника, никто не верил, пока над ним не провели рукой и не поймали по-настоящему горячий воздух. Всем стало стыдно, перед нами начали извиняться, а Шурочку с лёгкой руки моей остроумной бабушки ещё много лет называли «министр электрификации».

Любопытная Варвара

Обитатели госдач были людьми самыми разными. Работники Моссовета — молодые, энергичные, общительные. С семьёй одного из них — Семёна Даниловича — мы подружились и до сих пор дружим. Старые большевики — люди пожилые, больные и, я бы сказала, запуганные. И ещё одна категория: пожилые люди, которые благополучно пережили все невзгоды XX века на хороших постах, привыкли к гособеспечению и чувствовали себя хозяевами положения даже в пределах Мосдачтреста. Один такой дачник жил с нами в одном доме. Детей у него не было, но рядом была жена — суровая женщина по имени Варвара. Она была лет на 20 моложе мужа, и поговаривали, что она его

домработница, с которой он вступил в брак. Отношения по схеме «босс – подчинённая», как бы сейчас сказали, были налицо: никаких эмоций. Как бы там ни было, ухаживала она за ним великолепно! Как и все Варвары, она была сварлива и любопытна. Ей, например, очень не нравилось, что мы занимаемся спортом на полянке напротив её террасы. Семён Данилович, которого я упомянула, был заядлый спортсмен и баскетбольный судья. Он всячески привлекал меня и свою дочь (тоже Иру) к занятиям спортом. Мы играли в волейбол и баскетбол. А однажды он привёз на дачу ядро. Оно лежало в траве, а Варвара подумала, что это маленький чёрный мячик, – и поддала его ногой! Крик стоял оглушительный – она ушибла ногу тяжёлым ядром, которое так и не сдвинулось. С тех пор Варвара своего недовольства по поводу наших тренировок не выказывала.

Ближе к рынку и озеру

Через несколько лет проживания на госдаче дедушка решил, что надо просить об улучшении дачных условий: хотелось террасу и ещё что-то. Райком откликнулся и предложил посмотреть госдачу, соответствующую всем его требованиям. Только по Ярославскому направлению – в Загорянке. Места с чуждыми нам названиями оказались и внешне совсем не привлекательными. Мы только вернулись домой со «смотрин», как нам уже позвонил взволнованный обитатель дачи в Загорянке. Он говорил о том, что всё понимает, но привык к этому месту за много лет, и предлагал просто поменяться. Ему дали дачу в Малаховке – на стороне озера. Мы её посмотрели – и сразу же согласились на обмен: это было то, что нам нужно! Рядом озеро и рынок, много магазинов, на участке – море ландышей и кустов малины. Мы не прогадали: раньше обитатели госдач здесь высаживали клубнику, малину, сливы. Клубника стала дикой душистой крупной земляникой, а слива и малина плодоносили и радовали нас постоянно. Ягоды были сочные и большие, кусты малины отделяли тут одну госдачу от другой, домики вообще не просматривались. Всё было прекрасно, но...

Долой самолёты!

Недалеко был аэропорт Быково — и посадка, и взлёт самолётов каким-то образом соприкасались с нашим домиком, да и не только нашим. Стоял сильный рёв и гул самолётов. Особенно некомфортно было по вечерам, когда зелёно-красные огни самолётов были настолько близко, что, казалось, врежутся в наши окна. Дедушка и ещё ряд госдачников решились на отчаянный шаг. Они написали в Моссовет о том, что самолёты мешают полноценному отдыху пожилых заслуженных людей, и даже... просили о переносе взлётной полосы. Эта проблема оказалась нерешаемой. В ответ написали, что при всём уважении к авторам письма перенос взлётной полосы невозможен. И мы ещё несколько лет засыпали и просыпались под гул самолётов. Привыкнуть к этим оглушающим звукам было проблематично, но, как ни странно, прелесть романтики нашей последней госдачи они не разрушали. Кстати, после смерти дедушки все его льготы перешли бабушке — и нам ещё несколько лет давали госдачу. Однажды, в середине 80-х, в райисполкоме предложили за небольшую сумму выкупить свои апартаменты — комнату и террасу — и стать их собственниками. Нужной суммы у нас тогда не оказалось — мы отказались, о чём до сих пор жалеем.

Светлана Лобова

г. Москва

ЛИНИЙ КРАСОТА

Вчера была в центре Москвы и в одном из переулков увидела красный феррари. Я в курсе, что это дорогая машина. Отправляясь в Италию, надеялась увидеть великолепные марки дорогих легковых машин. Но на улицах Италии ничего подобного не встретила, ни феррари, ни ламборгини, ни мазерати. Не пользуются итальянцы в обычной жизни супердорогими автомобилями.

Ездит народ итальянский на юрких немецких малолитражках, бюджетных японских автомобилях, на удобных французских мини. Это не значит, что в Италии не уважают дорогие машины. По выходным местные жители выезжают на навороченных джипах отдохнуть у моря. В их семьях обычно два, возможно и более автомобилей и мотоциклов. Такие у них дороги, узкие и тесные. Любят итальянцы не только комфорт, но и удобство, манёвренность и, конечно, скорость. О последнем на городских трассах Италии можно забыть...

Как-то вечером, возвращаясь после экскурсии, из окна автобуса я наблюдала шикарно одетую синьору за рулём мотоцикла. На ней было длинное вечернее платье, туфли на умопомрачительной высоте шпильках, какой-то прозрачный лёгкий шарф с блёстками на шее. Её лицо и причёску было трудно оценить, очаровательную голову скрывал мотоциклетный шлем. Но блеск тёмно-карих глаз, яркий рисунок чёрных бровей на загорелом лице, непослушные кудри блестящих вороных волос, рассыпанные по плечам, гордая осанка вызвали восторг. Любовались синьорой все! Пару секунд. Переключился цвет светофора, и необыкновенная женщина под рёв мотоцикла унеслась вперёд, обгоняя время. А я продолжала разглядывать автомобили итальянцев, невольно сравнивая их линии с неповторимой женской красотой.

Я совсем не знаток автомобилей. Не судите строго, если неверно называю марки машин. Характеристики автомобиля меня, вечного пешехода, не интересуют. Но не могу сказать, что мне неинтересно за ними наблюдать. Моя знакомая говорит, что её вообще не интересуют автомобили. Я думаю иначе. Как может не восхищать совершенное творение рук человеческих? В плотном потоке машин на московских улицах глаза сами цепляют незаурядную модель. Наблюдаю их красоту, плавные изгибы линий корпуса, спокойный цвет, необычные, какой-то инопланетной формы, фары. Иногда смеюсь над собой, но сворачиваю шею вслед красивой машине.

Мы шли со знакомой к метро после работы. Скромную постройку 1937 года рождения, где мы работаем и которая, к слову, давно достойна капитального ремонта, окружают шикарные высотные здания телевидения России, издательства газет и журналов, всевозможные банковские офисы. И, естественно, все свободные места вдоль дороги заняты припаркованными автомобилями. Они везде, даже на тротуарах. В плотном ряду стоящих машин замечаю необычно плавные линии корпуса: какое-то совершенство переходов между деталями. Вернее, нет переходов, настолько всё органично и гладко. Невольно вырывается:

— Бентли! Какая красота.

Моя знакомая оглянулась и разделила мой восторг:

— Да, просто фантастика...

И неожиданно, «руки в боки», выставив углы локтей, она быстро произнесла:

— И наш запорожец!..

Мы расхохотались. Обожаю юмор и острый ум этой женщины! Стало смешно и весело. Полюбовавшись дорогим, довольно редким бентли, мы продолжили идти к метро. Была пятница, короткий рабочий день...

Я рассуждала. Красоту мы запоминаем благодаря её исключительности. Вспомните, не всегда реагируем восторгом на красивое лицо. Должно быть что-то ещё, какая-то особенность, что вызывает удивление. Играет роль выражение этого лица. Перекошенное злобой восторга не вызывает.

А доброе и улыбочивое запоминается надолго. Красота избирательна. Но у каждого из нас своё восприятие. И каждый из нас обращает внимание на разные детали, по-своему реагирует на красоту.

Моя мама, очень красивая и добрая женщина, однажды сказала: «Как жаль, что не все люди красивы! Это неправильно, даже несправедливо!» Я с ней согласна. Но, оказывается, в природе не так много исключительного, что задерживает взгляд.

Мы поехали со знакомой взглянуть на одну из исторических достопримечательностей города. Делая переход на станции «Трубная», я рассказала, что не так давно побывала на новых станциях метро «Марьино Роцца» и «Достоевская». На «Достоевской» флорентийские мозаики (они так называются) из чёрного, белого и серого мрамора по произведениям знаменитого русского писателя. В этом районе города, где открылась станция метро «Достоевская», на улице Божедомке, нынешней улице Достоевского, родился писатель. В чёрно-белых контрастных красках показаны известные сцены из романов «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот» и «Бесы». В торце станции мозаичное панно — портрет Фёдора Михайловича Достоевского. Строгий взгляд, серьёзное лицо. По-моему, никакой мрачности, скорее сдержанность и строгость. Над художественным оформлением станции работал художник Иван Николаев, потомок известного рода Лансере-Бенуа-Серебряковых. Его называют «Пиросмани наших дней».

А на станции «Марьино Роцца» просто шикарные мозаичные картины, на которых изображены пасторальные мотивы старинного городского ландшафта Марьиной Роцци, Останкино и других близлежащих районов. Мозаики обрамлены в металлические рамы в стиле модерн с причудливыми завитками кованых узоров, повторяющими плавные линии живой природы, изображённой на панно. Автор мозаичных панно — народный художник России Сергей Горяев.

Я наблюдала красоту мозаичных картин, таких разных и необычных, и рассуждала. Много мы в жизни видим красивых вещей, слушаем интересные рассказы и истории.

Но в память врезаются лишь те, в которых есть какая-то изюминка. Из самого интересного рассказа запоминаются быстрее анекдоты и весёлые эпизоды. Мы так устроены. Дети, которые только начинают разговаривать, быстро запоминают глупости, реагируя на нашу несдержанную реакцию. Мы запоминаем забавные моменты в рассказах гидов, помнят о весёлом смехе окружающих. Люди с возрастом не меняются.

Когда я впервые увидела мозаики в метро, стала искать информацию в интернете о её создателях. И в одном из блогов прочитала возмущённую статью о том, что художник изобразил на мозаике среди природного великолепия на берегу озера... спаривание овец, которые паслись на луговой траве Марьиной Рощи. В гневной статье звучали возгласы «позор!», «безобразия!» и т.п. На фото я внимательно рассмотрела картину. Да, точно! Так и есть. Только расценила это как шутку художника. Или некий протест. Две станции метро строили целых двадцать лет... В Ватикане в шедевре Сикстинской капеллы есть образ Иуды, лик которого списан Микеланджело с советника папы римского. Советник был приставлен помогать, а скорее всего — следить за работой Микеланджело. Но перестарался. Он так сильно вмешивался в творческий процесс великого итальянского мастера, пытался давать советы и диктовать условия, что вошёл, очень узнаваемо, в мировую историю в образе Иуды. По заслугам, надо признаться. Нельзя мешать гениальным творцам, а тем более давать советы!

Я рассказала своей знакомой о новых великолепных мозаиках. Мы сделали крюк в маршруте на полчаса и поехали любоваться двумя красивейшими станциями метро.

Приехали в Марьину Рощу. Моя подруга была в восторге. Подошли к уже известной мозаике. Она воскликнула:

— Козёл!

Моя знакомая была так удивлена, что не могла остановиться:

— Ну точно! Чёрный... Если бы ты не рассказала, я не обратила бы внимания. А что? Прикольно. Нормально. Это жизнь. Ну художник... Молодец!

Мы смотрели, удивлялись, смеялись, восхищались.

Я вспомнила «шутки» известного архитектора из Чехии Дэвида Черны. Его чугунные малыши, ползающие по телебашне Праги, сделали бездушное, невозможно современное в средневековом лике старинного города, бетонное творение человека ярким, вызывающим улыбку, надолго остающимся в памяти.

А известный «Танцующий дом» на берегу Влтавы в чешской столице! В экстравагантном современном строении просматриваются силуэты прильнувших друг к другу танцоров. Источником вдохновения авторам проекта Владо Милуничу и Фрэнку Генри послужил легендарный танцевальный дуэт Фреда Астера и Джинджер Роджерс. Необычное и красивое строение.

Получается, красоту нам дарят... чудаки. Вернее, незаурядные, талантливые люди. Что же остаётся нам? Восторг, восхищение и наслаждение. В предметах и силуэтах меня восхищают линии, а в людях исключительность — линии ума.

Принимайте красоту, изучайте её и... впитывайте. Воспринимайте как вам нравится, но не оставайтесь равнодушными.

И будьте красивы!

Денис Минаев

г. Коломна, Московская обл.

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

Шумный-шумный вокзал. Беспорядочная суета. Сотни людей вокруг, но я всё равно один. Никому нет дела до меня, ровно как и мне до них. Только гордые фонари на перроне смотрят на всю эту кутерьму свысока и своим ослепляющим светом затмевают чистое звёздное небо.

Громкий, металлический неприятный женский голос объявляет посадку на мой поезд. Вот и закончилась двухмесячная научная командировка в Уфу, и теперь я возвращаюсь домой, в Рязань.

Не думая уже ни о чём, направляюсь к нужному вагону. Ещё немного суеты – и я удобно располагаюсь на нижней полке купе. Всё. Осталось несколько томительных минут ожидания, и поезд помчит, приближая мою встречу с женой и сынишкой. Достая газеты, купленные в дорогу, и начинаю перелистывать одну с последней страницы, как привык.

Уже знакомый металлический голос объявляет отправление. Моё внимание привлекает оживлённый перрон и торопливые люди, от которых потихоньку удаляюсь. В купе я один, что, несомненно, радует.

Только успел подумать об этом, как дверь распахнулась и вошла красивая девушка. Чёрное закрытое платье изящно облегалo стройную фигуру. Почти полное отсутствие макияжа и чёрная повязка на голове придавали загадочность этой симпатичной блондинке.

– Здравствуйте, – приятным голосом сказала незнакомка и на некоторое время задержала взгляд на моей персоне, будто вспоминая, где она могла меня видеть.

– Здравствуйте, – ответил я. – А мы с вами нигде не встречались? – и, не дожидаясь ответа, спросил: – Извините, вас, случайно, не Света зовут?

В её карих глазах сверкнул огонёк интереса, и миловидное лицо озарила очаровательная улыбка:

– Кажется, мы с вами в одной школе учились...

— Более того, в одном классе, — уточнил я. — Ташкент, 101-я школа...

— Здравствуй, здравствуй, Саша. Сколько лет, сколько зим.

Я встал, и мы по-дружески поцеловались. Затем, присел рядом:

— Как живёшь, Светик? Прекрасно выглядишь.

— Да ладно, брось...

— Нет, нет, действительно. Выглядишь потрясающе. Чёрный цвет тебе очень идёт.

— Это точно. Жизнь моя не слишком светлая, поэтому чёрный цвет — как родной, — сказала Света, и огонёк в её глазах потух. А лицо, кажется, немного посерело.

— Почему так печально говоришь? Что-то случилось? — без притворства поинтересовался я.

— Траур у меня. Еду в Ульяновск, к мужу на могилу. Вернее, к бывшему мужу, — и она тяжело вздохнула. На щеке бриллиантовой капелькой заблестела слеза.

— Извини, не знал, — поспешил я реабилитироваться. — Мои соболезнования.

Света тихо плакала...

Надо было срочно менять тему.

— Ты давно в России живёшь? — спросил я.

— Уже пятнадцать лет. Окончила Авиационный институт. Ещё там, в Узбекистане. Парень вернулся из армии, мы поженились и почти сразу переехали в Уфу вместе с моими родителями. Позже в Россию и его родители перебрались. Кстати, Саша, помнишь Славу, Славу Киселёва?.. Это он — мой бывший...

— Конечно, помню...

(Так всегда, память оставляет именно такой образ человека, каким его видишь в последний раз. Я тут же вспомнил нашу единственную после окончания школы встречу с ним. И образ Славки запечатлелся в памяти далеко не в весёлом виде.

Встретил я его в Ульяновске, где гостил у родственников, три года назад. Слава сидел возле церкви в инвалидной

коляске и просил милостыню. Я пытался с ним заговорить, но он долгое время делал вид, что не знает меня. Я был настойчив, но он не поддавался. Потом, в конце концов, решительно поднял голову, посмотрел мне в глаза и сказал:

— Ну, если мы с тобой знакомы, то выручай старого друга...

— Чем я могу тебе помочь, Слава?

— Дай сотню...

Я был в смятении. В душе творилось что-то непонятное. Достав из бумажника сотенную купюру, я протянул её школьному товарищу. Он резко вырвал деньги, будто боялся, что я передумаю, и быстрыми движениями рук заставил свою инвалидную коляску торопливо удалиться.

Ещё несколько минут я стоял на том же месте и не мог сообразить, что же произошло. Больше мы с ним не виделись.

Со временем я немного успокоил себя тем, что это и не Славка вовсе. Да Бог ему судья...)

Конечно же, я не стал посвящать Свету в свои воспоминания об этой встрече. Ненадолго замолчал. Потом спохватился:

— Подожди, Светик. Получается, Славка умер? Где, говоришь? В Ульяновске?

— Да... Покончил с собой... Совсем недавно... Неделю назад... Я в командировке за границей была. На похороны попасть не получилось. Даже проститься по-людски не удалось...

И Света опять горько заплакала. Я налил ей стакан минеральной воды и попытался успокоить.

Много вопросов рождалось в голове, но я не решался их задать. Несвоевременно как-то.

Света успокоилась. Появилась проводница. Принесла постельное бельё. Предложила чай, от которого мы поспешили отказаться. Я достал из сумки несколько бутербродов с колбасой, пяток варёных яиц, сало и термос с кофе и уселся за столик напротив собеседницы.

— А что-нибудь покрепче у тебя есть? — спросила она.

— Найдём, — на выдохе ответил я и водрузил на стол бутылку стерлитамакской водки.

Первую рюмку выпили молча, каждый думал своё.

За окном уже стемнело. Время перевалило далеко за полночь, но спать не хотелось. Равномерный стук колёс почему-то не действовал усыпляюще, как это обычно бывало.

— Хорошо нам со Славиком жилось сначала, — нарушила тишину Света. — Хоть и трудно, но всё же хорошо. Тяжело было устроиться на новом месте — ни друзей, ни знакомых. Купили домик на окраине Уфы и стали жить вместе с моими родителями. Слава устроился на работу автослесарем — он же училище окончил. Уставал сильно. Но, знаешь, Саша, он всегда старался со мной быть весёлым — живчиком таким. Можно сказать, на руках носил. И в парк, и в кино по выходным, да и просто так вечерами по городу гуляли...

А какой он был счастливый, когда у нас Димка родился! Что ты!.. Горды-ы-ый... Как будто у него одного в мире жена сына родила. Как он за ним ухаживал, буквально трясся над Димой и надо мной. Помогал во всём. Иной раз приходит с работы, чуть с ног не валится, а хотя бы одна пелёнка несвежая будет — тут же в баню и за стирку... Внимательный.

Когда сын подрос, муж стал уговаривать меня родить ещё одного ребёнка. Но я попыталась его отговорить, мол, подумай, мы живём вместе с родителями. И так в доме не развернуться. У Димы даже своей комнатки нет, а ты ещё одного хочешь...

Вот тут, наверное, всё и началось... — Света замолчала. Мы выпили ещё по чуть-чуть.

— Ты не подумай, что Слава меня упрекал или винил в чём-то. Нет. Он просто начал искать способ заработать на отдельное жильё, будь оно неладно. Что он только не предпринимал, как только не вертелся. Зарабатывал неплохо, но, как назло, дома́ и квартиры дорожали с каждым днём.

В общем, в один злосчастный день приходит Слава домой и говорит, что написал заявление в военкомат и собирается ехать в Чечню. А это 1995 год. Помнишь, что тогда там творилось?

Я всеми способами умоляла его отказаться от этой затеи. Уже и согласилась родить ещё ребёнка. А он ни в какую — я должен обеспечить семью, и всё тут. Упрямый ужасно... В общем, через месяц он уехал на войну!..

Мы выпили со Светой по третьей. Закусили. Немного помолчали.

— Он писал почти каждую неделю, — вздохнула Света. — Скучал сильно. Письма были тёплые, добрые... Через полгода приехал. Жив-здоров, за исключением небольшого шрама на руке, и чёлка на голове совсем седая...

(Тут я невзначай вернулся к воспоминаниям о человеке в инвалидной коляске. Сомнений не оставалось. Это был Слава. Суровый, наскоро побритый мужчина с прядью седых волос на лбу. Но почему он отказался меня узнавать — это оставалось вопросом...)

— Он изменился сильно, — продолжала Светлана. — Стал молчаливым, с потускневшими глазами. Мог подолгу сидеть где-нибудь один. Даже втихомолку плакал. Но при мне и сыне старался быть прежним Славой.

Что самое обидное — когда мы получили в Сбербанке его деньги, оказалось, что на жильё нам не хватает. Инфляция сожрала весь его мучительный труд. Да чёрт с ними, с деньгами, я была счастлива, что он вернулся. Что он теперь рядом. Но моя радость быстро улетучилась — через два месяца он опять уехал в Чечню.

Во второй раз я получила от него два письма, а потом... — и Света замолчала. На глаза её навернулись слёзы. Не дожидаясь меня, она выпила ещё одну рюмку и тяжело вздохнула:

— ...А потом около четырёх месяцев была тишина — долгая, мучительная, душераздирающая тишина. Я не знала, что делать, куда деваться. Не могла есть, не могла спать нормально, пока... Пока в один из серых дней не пришло письмо от начальника военного госпиталя в Ростове-на-Дону, где говорилось, что мой Слава... — и голос Светланы задрожал. — ...Мой Слава тяжело ранен в позвоночник, и вся его нижняя

часть тела отказала. Пуля снайпера сделала его инвалидом. И теперь Славка не хочет возвращаться домой. Говорит, чтобы не быть обузой...

Что страшно, Саша, потом, когда я уже приехала его забирать, узнала, что снайпера, который моего Славу... В общем, снайпер — девка была, представляешь. Сучка. Сама, тварь, из Омска. В своих же русских парней стреляла... Поймали её потом. Ну и... в общем... сам понимаешь, что с ней сделали...

Затем около полутора лет мы со Славой провели в госпиталях, пытались его на ноги поставить. Все заработанные деньги на лечение ушли — да всё впустую. Ничего не помогло.

Славка сильно изменился. Никто ему стал не нужен. Даже с Димкой, со своим сыном, он был холоден. А про меня уж и говорить не стоит. Почти не обращал внимания. Только придирался по всяким пустякам. Начал сильно пить. В пьяном угаре всю ночь скандалил, бил посуду, кричал, как бешеный. И пил, пил, пил... Бывало, утром швырнёт в меня чистые, постиранные носки и требует новые.

Частенько упрекал в том, что я ему ещё одного ребёнка не родила, а вот сейчас, мол, он даже и на это не способен...

Так продолжалось больше года...

Не скрою, я начала его ненавидеть. За что он нас обижал? Меня и сына, за что?..

Ко мне стал захаживать в гости коллега. Нет, не подумай, Саша, у нас ничего не было. Хотя иногда так хотелось бросить всё и упасть в объятия нового поклонника.

Славка это почувствовал. Начал обвинять меня в измене и требовать развода. Я отказывалась, сопротивлялась... Но под настойчивые уговоры моих родителей и по требованию Славы мы с ним всё-таки развелись. И он уехал к своим родителям в Ульяновск.

Мой коллега — Алексей — стал просить меня выйти за него замуж. Но я не соглашалась. А Слава на письма не отвечал.

Вот так я и жила до сих пор. Алексей приходит постоянно, а от Славы ничего...

А неделю назад я получила телеграмму о том, что Слава покончил жизнь самоубийством. Вот так...

Наступила длительная тишина. Света молча смотрела в окно. Уже светало. Мимо проносились деревья, чьи-то дома, поля, но Светлана их не видела, она была где-то далеко в своих мыслях.

Усталость бессонной ночи и алкоголь сделали своё дело, и Света тихонько задремала. Лишь изредка во сне она стояла.

Я смотрел на эту чудесную, но очень несчастную женщину и думал: «Боже мой... Светка, Светка... Светка Ромашова... Кто же знал, что у этой, в прошлом вечно жизнерадостной, весёлой и улыбчивой девчонки с длинными волнистыми русыми волосами и с глубокими, как Чёрное море, глазами, будет такая нелёгкая жизнь.

И что Славка, отъявленный заводила и хулиган, одновременно пишущий стихи, романтик, так быстро покинет этот бренный мир!...»

Разбудил я Свету на подъезде к Ульяновску. И вышел вместе с ней. Ничего страшного, если я задержусь день-другой здесь. Навещу своего старого приятеля.

Родители Славы меня тоже вспомнили. Рассказали, что всё это время после развода он проводил у вокзала или у церкви, выпрашивая милостыню. Возвращался домой пьяный, но не дебоширил. Утром просил у матери прощения, однако всё повторялось...

Что удивило — он не оставил никакой предсмертной записки...

Свежая могила на кладбище отличалась от других только большим количеством цветов и красивым крестом.

День прошёл незаметно и как-то пасмурно...

Назавтра мы разъехались...

Радостные минуты встречи с женой и сыном ненадолго отвлекли меня от раздумий об одноклассниках. А вечером следующего дня, разбирая свою почту, накопившуюся за время отсутствия, я наткнулся на письмо, пришедшее три дня назад из... Ульяновска. Я замер и в течение нескольких минут не мог даже открыть конверт.

Подозрения оправдались — это писал Слава, причём перед самой смертью. Как он узнал мой адрес?!..

Он просил прощения за нашу встречу возле церкви, объясняя своё поведение тем, что боялся в минуты слабости рассказать историю любви к Свете. В письме же он всё подробно изложил. Оказалось, Слава специально устраивал скандалы и беспробудно пил, чтобы жена возненавидела его и бросила. Не хотел он губить её жизнь. Надеялся, что после развода она выйдет замуж за хорошего человека и будет по-настоящему счастлива.

Он писал, как сжималось сердце, когда думал о ней, о сыне. Как плакал, получая от Светы письма. Но не отвечал, надеясь, что она со временем смирится и забудет его.

Шло время, но его любимая не соглашалась стать женой другого. И тогда Славка решил совсем уйти... Уйти из жизни, чтоб не мешать.

Последней просьбой одноклассника ко мне было — ничего не рассказывать Светлане об этом письме.

Я не знал, как поступить. И решил сделать, как он просил. Ничего не говорить!..

***

Прошло несколько лет. Меня снова пригласили в Уфу читать лекции в институте.

На одном из занятий я начал знакомиться с новой группой. И бросилась мне в глаза одна фамилия в журнале: Киселёв, Дмитрий Киселёв.

После лекций я попросил Диму остаться для беседы.

Во время разговора стало ясно, что это сын моих школьных друзей. Что мама его, Светлана, вышла замуж за Алексея и родила девочку. Что об отце своём Дима знает и от матери слышал в его адрес всё только доброе...

Ответ на мой вопрос: «Что делать с письмом Славы?» — пришёл сам по себе. Я не отдал письмо Свете, как и обещал. Но передо мной сидел Дмитрий Вячеславович Киселёв. Взрослый человек!..

03-04.06.2003

р. п. Пителино и г. Сасово Рязанской обл.

ЮРКА + ЛЕНА

Юрка был необычным мальчишкой. Его внешность непроизвольно вызывала милую улыбку у посторонних людей. Два маленьких глазика голубовато-зелёного цвета, казалось, горели возле вздёрнутого, вечно потеющего, носика на конопатом личике. Огненно-рыжая шевелюра слегка прикрывала торчащие, как локаторы, уши.

— Какой милый мальчик... — ахнула воспитатель детского сада, когда увидела Юрку, стоящего вместе с мамой в раздевалке. — Здравствуй, малыш.

— Здравсьте, — процедил недовольно мальчишка.

Несмотря на то, что Юрке было уже шесть лет, в детский сад он пришёл впервые. Будучи всегда под присмотром бабушки, сейчас, когда её положили в больницу, мальчик остался как бы не при деле. Если, конечно, можно так выразиться. Дел у Юрки было невпроворот. Ещё бы... Уже начался курортный сезон, и их город Сочи наполнился интересными отдыхающими. Разные-разные люди ходили вокруг.

Юрка, шустрый от природы, уже давно собрал команду таких же мальчишек, с которыми организовал торговый бизнес. То у соседки тёти Нюры тайком нарвут яблок, то наловят креветок или рыбы, а то и у бабки Шуры умыкнут из погреба трёхлитровую банку самогона и ходят потом по пляжу, предлагая свой товар загорающим. А вечером все заработанные деньги превращались в мороженое и лимонад, которые поедались дружной компанией.

В общем, дел было много. А тут вдруг, не спросив у него, Юрку повели в детский сад.

— Мам, за что? За что ты меня тащишь в эту клетку? — плакал он по дороге.

— В какую клетку? — удивлялась мама.

— Хоть мы и дети, но мы — тоже человеки. Почему меня, как тигра, надо держать за этой решёткой? — и Юрка показал на высокий железный забор вокруг детского сада.

Но взрослые не поняли свободолюбивой природы ребёнка, и мальчик был передан воспитательнице вместе со сменным бельём, носовым платком и игрушечной машинкой.

— Дети, знакомьтесь, у нас новый мальчик. Зовут его Юрочка. Подружитесь с ним. Не обижайте друг друга, — сказала воспитательница, и Юрка прошёл в комнату, наполненную пёстро разодетыми девочками и мальчиками.

Общий язык со всеми он нашёл быстро: с кем-то поздоровался, кому-то улыбнулся, у кого-то выменял на машинку самолёт, кому-то наступил на ногу, а у кого-то даже купил за рубль целую кучу солдатиков. В общем, общественная жизнь началась.

И во всей этой кутерьме Юрка как-то не сразу увидел... ЕЁ. Самая красивая девочка сидела в сторонке в компании подружек и играла с куклами. Подойти к ней мальчишка не решился, а только узнал у других, что зовут её Лена.

Он весь день как бы невзначай поглядывал на девочку, пытаясь поймать её взгляд, но, увы, она его не замечала...

Вечером, когда родители пришли за детьми, в раздевалке он вновь встретился с Леной. Но она и сейчас не смотрела на него, а молча надевала босоножки.

По счастливому стечению обстоятельств им оказалось по пути. Мама Юрки любезно общалась с мамой Лены, а дети шли, держась за руки, по разные стороны от родителей. Ребята молча отмеряли шаги к дому.

— Мам, а ты купишь мне велосипед? — спросила вдруг Лена.

— Леночка, обязательно купим велосипед. Только давай подождём, когда папа получит денежки. Хорошо? — ответила мама.

— Ладно, — сказала девочка и впервые посмотрела на Юрку, но уж очень хвастливо.

— Хм, — усмехнулся он и демонстративно отвернулся от воображалы.

«Подумаешь — велосипед... Папа купит... — размышлял Юрка. — Да я, если захочу, сам куплю всё что вздумается, без помощи папы и мамы...»

И тут Юрку осенило. Он догадался, как сможет завоевать сердце этой девочки. Точно, он сам купит двухколёсное чудо и подарит ей. И тогда Лена будет дружить с ним всегда. Ах, Лена...

Юрка с нетерпением ждал приближения субботы, когда его наконец не поведут в детский сад и он сможет купить велосипед...

Вот и суббота. Но она не принесла большой радости: Юрка встал рано, разбил свою копилку и с кучей мелочи поспешил в магазин. Но тётка, называемая продавщицей, огорчила его тем, что сбережений на покупку маловато.

Юрка вернулся домой огорчённым. Но унывать даже и не собирался.

Всю субботу и воскресенье дворовая ребятня помогала Юрке набрать нужную сумму. Но, увы, денег всё равно не хватало. Самую малость, но не хватало.

Понедельник казался Юрке пасмурным и от этого совсем не весёлым. Целую неделю ему предстояло ходить в детский сад.

А вдруг на этой неделе папа Лены получит деньги и купит велосипед? И всё. Тогда больше не видать ему этой милой девочки. Он не сможет её удивить... Юрка стоял на углу детского сада возле высокого забора и пытался прогнать эти мысли прочь, но тщетно.

Ребята весело резвились на детской площадке, а Юрка искал ответ к, казалось, неразрешимой задаче.

— Мальчик, здравствуй, — неожиданно раздался приятный женский голос.

— Здравствуйте, — Юрка поднял глаза и посмотрел за забор на тётку, стоявшую перед ним. Таких красивых он видел только в кино и красочных журналах. Но в фильмах обычно их сопровождали здоровенные мужчины-герои. А сейчас Юрка очень удивился, когда увидел рядом с красавицей толстого дядьку, похожего на Карабаса-Барабаса.

— Мальчик, ты не мог бы подарить нам пёрышко вон той птички? — и женщина указала в сторону небольшого загончика, где гордо расхаживала парочка павлинов.

Они уже давно жили на территории детского сада. Воспитатели постоянно ухаживали за ними, а дети с живым интересом рассматривали диковинных птиц.

— Ты нам пёрышко, а мы дадим тебе рубль на мороженое, — сказал «Карабас-Барабас».

— Щас, — когда дело касалось денег, глаза у Юрки загорались живым огоньком интереса.

Улучив момент, Юрка пробрался в загончик и выдернул перо из хвоста павлина. Ещё несколько манёвров — и мальчишка стал богаче на целый рубль, а парочка отдыхающих удалилась восвояси. Глупая тётка сияла от удовольствия.

Если бы Юрка знал слово «Эврика», он, несомненно, воскликнул бы, как Архимед. Так как решение финансовой проблемы наконец-то нашлось.

Не теряя времени, Юрка по-партизански прокрался к павлинам. Расположение загончика было очень удобным для мальчишки. Густые заросли кустарника надёжно скрывали его от ненужных в данную минуту взглядов воспитателей. Быстренько, но аккуратно Юрка надёргал из хвостов птиц пару дюжин перьев. Павлинам это очень не понравилось. Они попытались привлечь к себе внимание и пожаловаться, но из-за весёлого шума и смеха ребятни воспитатели ничего не услышали.

Выждав несколько минут, Юрка перекинул через проём в заборе ценный груз и полез на вершину ограды. Осталось совсем немного, и мальчик уже представлял, как он продаст эти перья отдыхающим и наконец-то исполнит заветную мечту своей принцессы. Он, как рыцарь, подъедет к Леночке на белом... велосипеде и преподнесёт его ей в подарок, тем самым навсегда завладеет её сердцем.

Сладкие грёзы развеялись моментально, когда Юрка услышал треск рвущегося материала. Предательская пика на вершине железного забора беспощадно зацепила его за шортики и даже не думала отпускать. Нога Юрки соскользнула, и мальчишка повис на заборе, как ёлочная игрушка.

Ничего не оставалось юному рыцарю, как только кричать и звать на помощь, признавая этим своё поражение...

Воспитатели появились быстро. Так же быстро обо всём узнали мама и папа. Вместо свидания Юрка простоял весь вечер в углу, раздумывая, как же он посмотрит теперь в глаза Лены...

***

Наступило следующее утро. Юрке ни за что не хотелось просыпаться. Но всё-таки его подняли, и, сгорая от стыда, мальчик появился в детском саду.

Он стоял перед воспитательницей, опустив голову и разглядывая свои босоножки, как вдруг в ворота въехала Лена на новеньком сверкающем на солнышке велосипеде.

Юрка смотрел на неё, не отрывая глаз, и непонятные чувства переполняли его душу...

Но тут девочка подъехала прямо к нему и произнесла:

— Привет. А мне папа вчера купил велосипед. Видишь, какой красивый!

Юрка только молча и огорчённо кивал головой.

Лена плавно слезла с сиденья и улыбнулась:

— Хочешь прокатиться?..

***

Через несколько дней папа Юрки принёс в детский сад ещё одну пару красивых павлинов.

03-30.03.2004

с. Ям Домодедовского района

Московской обл.

ФЕРМЕРШИ

Случилась эта небольшая история, которую я хочу вам рассказать, в пору, когда я работал в Автоколонне 1417 города Коломны водителем автобуса...

В тот день я колесил по седьмому маршруту, где курсировал не обыкновенный, так сказать, полноценный автобус, а небольшой «Мерседес-Спринтер», который многие называют «маршруткой». В этом микроавтобусе сразу за водительским сиденьем располагались места для пассажиров, которые зачастую приносили в мою шофёрскую жизнь некоторое разнообразие, так как я становился невольным слушателем всевозможных жизненных историй.

С годами я научился не обращать внимания на разговоры пассажиров за спиной и даже стал умудряться заниматься своим любимым делом — сочинительством.

В общем, веду я автобус по маршруту и, по обыкновению, в уме «перемываю тонны словесной руды», как говаривал Маяковский, то есть сочиняю новое стихотворение. И тут на остановке в салон заходит молодая красивая девушка. Одета со вкусом, и макияж приятный. Расплатилась. Села на одно из вышеописанных мест. Поехали. Рулю, смотрю на дорогу, про себя бубню слова — ищу рифму. Следующая остановка. В автобус заходит ещё одна молодая красавица. Увидев девушку на первом сиденье, улыбается:

— Светик, привет.

— Привет, Маринка, — отвечает первая и двигается к окну, приглашая сесть рядом.

Подружки устраиваются поудобнее. Поехали. Привычный набор взаимных вопросов и ответов о семье, детях, мужьях, которые, негодяи, ездят на машинах, а за жёнами на работу заехать не хотят... В общем, быт... Я продолжаю искать рифму, но тут... та, которая Маринка, произносит:

— Слушай, а как там ферма твоя?

Меня привлекает этот вопрос. Смотрю в зеркало заднего вида на девушек. «Ферма? — начинаю размышлять. — Я их в центре города посадил. Они сказали — с работы едут, откуда их мужья на машинах забрать не хотят. А где там может быть ферма? Ну, — думаю, — наверное, о даче спрашивает».

— Нормально, Марин. Коровник достроила. Четыре коровы у меня...

«Почему достроила, а не достроили? В смысле — с мужем. Сама, что ли, строила?» — мучаюсь я в догадках.

В это время моя Муза понимает, что мне с этими девушками становится интереснее, чем с ней, и поэтому покидает меня, так и не дав возможности отыскать рифму и вообще закончить начатое стихотворение.

— ...И каждая уже по два ведра молока даёт... — продолжает Светик.

Я хоть и парень городской, но частенько бывал в деревне, и даже в детстве школьные каникулы там проводил,

а поэтому знаю, что два ведра для коровы — это, можно сказать, рекорд. Заинтересовываюсь ещё больше...

— Молодец. А помощников сколько у тебя?

— Трое, — с гордостью заключает Светлана.

Тут у меня начало всё складываться понемногу. «Ага, — думаю, — значит, сама она в городе работает, наверное, магазинчик молочный свой, а где-то там, на ферме, на неё помощники батрачат. Ну похоже, похоже, одета неплохо, макияж, золотой браслет...»

Некоторое время обсуждают, у кого сколько деревьев и кустарников на участке и как плодоносят они вообще.

— А я вот капусту развела, — произносит Маринка. — Решила попробовать...

«И эта фермерша? — удивляюсь я. — Ну вот, а ещё говорят, в России с фермерством-крестьянством проблемы. Вон какие кадры!!! Не пропадём».

Потихоньку интерес к пассажиркам у меня начинает пропадать, так как всё вроде ясно, как вдруг Маринка выдаёт:

— Кстати, подружка, ты мне лопату-то верни. А то мне картошку копать надо. Осталась пара грядок. Ты свою, наверное, выкопала уже?

Тут мои мозги начинают давать сбой. И не столько от того, что не могу представить себе этих почти манекенщиц с недешёвым маникюром и солярийным загаром с лопатами в руках, сколько от того, какую картошку они собрались копать в январе месяце?! Для подтверждения своего НЕ-сумасшествия пристальнее вглядываюсь за ветровое стекло: снег же лежит вокруг!

— Ах да, хорошо, верну, — ответила Светлана и, потревожив подругу, стала пробираться к выходу, так как мы подъезжали к очередной остановке.

Я в полусознательном состоянии останавливаюсь.

Светлана выходит, махнув подружке ручкой:

— Пока, Марин. Своим привет...

Я провожаю её взглядом, сожалея о том, что тайна нового морозоустойчивого сорта картошки остаётся для меня покрытой мраком. Ну что ж, не судьба. Двери закрываются. Поехали.

Не успели мы проехать и ста метров, у Марины раздаётся телефонный звонок.

– Да, Светик...

Слушает.

– Грабли тебе подарить?..

Мои глаза округляются, и уже без моего ведома взор сам переводится вновь в зеркало заднего вида, на эту фермершу...

– Граблей не хватает до полного комплекта, чтоб в следующий тур перейти? Ну хорошо, сейчас домой приеду, и если Мишка компьютер не занял, то зайду в Интернет на «Ферму»... И подарю тебе грабли...

25.11.2014

г. Коломна Московской обл.

Александр Ралот

г. Краснодар

НЕИЗВЕСТНАЯ КАТАСТРОФА

(на основе реальных событий)

Поздняя осень 1952 года. Ночь.

***Петропавловск-Камчатский. Общежитие Петроморфлота.
Комната команды траулера «Имени второго партсъезда»***

Механик Андрей Скворода и рулевой матрос Сергей Ворсклин в ожидании старенького вахтенного автобуса забивали доминошного «козла». Костяшками старались не стучать, ибо стены в общежитии, построенном наспех ещё в довоенные годы, были не бумажные, но тонкие и звук из комнаты в комнату передавался почти без искажений.

— Рыба, — вполголоса пробасил Андрей, размахнулся и тихонько опустил костяшку на стол.

— Будет тебе рыба, и много. Выйдем с рассветом в море, там селёдки, крабов и морской капусты хоть... — он хотел ещё что-то добавить, но стол, кровать и пара табуреток дружно взлетели вверх, а здание тряхнуло так, что от оконных стёкол не осталось и следа.

— Америкосы треклятые, войну начали, бомбу свою атомну кинули, — крикнул механик и метнулся к двери.

Сергей его опередил, дёрнул за ручку, да так и замер с ней в руке. Стену перекосило, и выход из комнаты заклинило напрочь.

— Надо надеть противогазы, как нас учили по гражданской обороне, — заикаясь, молвил Ворсклин.

— Балда! Они же на судне. А до него ещё добраться надо. Давай сигай в окно. Второй этаж, не разобьёшься. Я за тобой следом.

Скворода отломил осколок стекла и выглянул наружу:

— Пожаров нема, и сирены не слышать, может, и не война вовсе, не приведи Господи, а простое землет... — он не до-

говорил, так как очередной толчок оторвал механика от пола и швырнул наружу.

Рулевой, видя это, боялся сойти с места. Ноги непроизвольно амортизировали в такт колебаниям, исходящим от дрожащего пола. Он в недоумении пялился на падающую с полки посуду. А в голове, догоняя одна другую, неслись мысли: «Если на полуострове так колбасит, то что там, в океане, на Туманном? Неужто ему полные кранты? Там же на заводе девчата и москвичка Маринка...»

В прошлом месяце улов на переработку сдавали. Познакомился. Подружился. Смешливая такая, бойкая. И совсем не столичная штучка. Удрала от папы с мамой на край земли. Не побоялась. Проявила характер. В общем, глянулась, чего греха таить. С такой хоть сейчас в ЗАГС, только бы выжила! Окольцую! Однозначно. В висках стучало.

Наконец-то завыла сирена и оживший громкоговоритель хриплым голосом велел всем действовать согласно должностным инструкциям на случай стихийных бедствий.

Вечер 4 ноября. Остров Туманный. Общежитие рыбзавода

Семь лет назад отгремела страшная война. Страна-победительница вернула себе то, что принадлежало Российской империи раньше: половину Южных Курил и половину Сахалина. Остров Туманный никогда и никем захвачен не был. Хоть и далёкая, но исконно русская земля. Жили здесь люди пришлые, приехавшие по вербовке подзаработать денег на строительстве домов и на монтаже посольных чанов рыбзавода. Женская часть населения трудилась, куда начальство пошлёт, но по большей части на разделке и переработке улова.

***

В комнате, рассчитанной на шестерых, беседовали трое.
— Девчонки, я на выходных ездила на соседний остров, на тот, который наши у японцев отбили. И знаете, чего я там

видела... — Марина картинно закатила глаза, выдерживая паузу, подражая знаменитой актрисе столичного театра.

— И какого тебя туда понесло? Это закрытый секретный объект, как ты туда попала? — не дожидаясь продолжения монолога, перебила её бригадир Лиза Ким, местная кореянка, перебравшаяся на остров с Сахалина после окончания войны.

— Кимушка, так я же с пограницами на их корабле. Интересно же. Как узкоглаз... — девушка осеклась, на мгновение прикрыла рот ладошкой, но тут же нашлась и продолжила: — ...как твои поработители землю обустроили, чего возвели и как. Между прочим, там от каждого дома к вершине сопки ведут добротные лестницы с перилами.

— Так уж из каждого? Врёшь ты, Маринка. Увидела одну и сочиняешь, — возразила повариха Ириша.

Она тоже просилась к пограничникам, даже придумала повод, мол, ей нужны травы для приправ, которые растут исключительно на соседнем острове и более нигде в мире. Но лейтенант только рассмеялся и сказал, что место для гражданских имеется только одно и оно уже занято. Так что пусть нарисует, как это растение выглядит, и передаст листок Марине, а та уж расстарается, доставит на Туманный съедобный цветочек аленький.

— Москвичка правду говорит, — буркнула бригадирша. — Так и есть. И лестницы эти не для красоты и удобства, а чтобы жизни спасти. От смерти убежать.

— Как это? — повариха округлила глаза.

— А так. Когда цунами идёт, остаётся только одно: драпать вверх, в сопки. Добралась до верха — значит, поживёшь ещё, а нет — то не останется от тебя даже могилы. Утянет волна в море, и всё. Пойдёшь рыбам на обед.

— Цунами, цунами, — бормотала Маринка. — Где-то читала. Это, кажется, волны такие огромные, или я ошибаюсь. Слово-то какое красивое, иноземное.

— Всё! Отбой, болтушки. Завтра с утра траулер придёт. Всем спать. Пусть вас охраняет могущественный Хогуксин. — Лиза щёлкнула выключателем и натянула на себя старенькое лоскутное одеяло.

Ночь 5 ноября (местное время)

Маринка проснулась от крика бригадирши:

— Вставайте! Все на улицу! Бегом! Да не одевайтесь вы, дуры! Некогда! Так бегите!

Утлый домишко ходил ходуном. Девчонки, выскочив во двор, жались друг к дружке, пытаясь согреться. Промёрзшая земля тряслась под ногами. Норовила опрокинуть растерянных и ничего не понимающих людей.

С берега ветер донёс звуки выстрелов и обрывки фраз: «Война! Война!»

Марина схватила Ким за рукав:

— Неужели опять? Кто посмел? Американцы, японцы или все вместе?

— Да не война! Уши прочисть! Вода! Волна! Бежим отсюда. Быстро.

— Куда, Лизонька? Это же остров. Океан кругом. От него не убежишь. Мы все утонем.

— Туда, дурёха. На сопку, к пограничникам. Застава — самое высокое место. Быстрее. И повариху тащи. Стоит и раскачивается. Дай ей пощёчину, я разрешаю.

***

Толпа бегущих разом остановилась. Путь к вершине преградила широкая канава. Через неё был переброшен хлипкий деревянный мостик. Солдаты расталкивали бегущих, освобождая проход для женщин с детьми. К счастью, их на острове было немного. Спустя несколько минут хлипкое сооружение рухнуло под натиском людской массы. Сильные руки лейтенанта подхватили лежащую на канаве Марину. Офицер понёс её через траншею. Девушка была в полузабытьи. На мгновение ей показалось, что рядом с ней не пограничник, а парень с траулера со странной фамилией Ворсклин. Внезапно её сердце сжалось и заныло. А если он сейчас в море? Его судёнышко — как скорлупка. Ой. Боже, если ты есть, спаси его. Пожалуйста. Я молитв не знаю, но очень тебя прошу.

***

Ирина и Лиза вели под руки ослабевшую старую женщину. Сзади нарастал грохот приближающейся громадной волны. Слыша это, девушки ускорили шаг, стараясь как можно быстрее добраться до вершины спасительной сопки. Минуту спустя старушка в изнеможении повисла на их руках, а затем, выскользнув, упала на землю.

— Вставайте и опирайтесь на меня! — скомандовала хрупкая корейка. — Лиза, помоги ей.

Женщина скрестила руки на груди:

— Оставьте меня. Я своё отжила. Спасайтесь сами. Вам ещё детишек рожать. Земля русская пустовать не должна. Ступайте с богом.

Повариха, перекрикивая грохот стихии, орала ей в ухо:

— Ишь чего удумала! Давай, цепляйся за мою шею. Либо выкарабкаемся вместе, либо потонем. Двум смертям... — девушка не договорила. Могучая сила цунами подхватила их и швырнула далеко вперёд, к вершине сопки.

Измученные женщины пытались ухватиться за стебли спасительных кустиков, но тонны воды были сильнее. Образовавшийся гигантский водоворот, помедлив с минуту, втянул в своё чрево всех, кому только что даровал надежду на спасение.

***

Вдруг наступила тишина. Из-за облаков выглянула робкая луна. Люди с удивлением глядели друг на друга. Несмотря на ноябрь, никто не ощущал никакого холода. Каждый в этот момент думал об одном и том же: «Неужели всё? Пронесло! Выжили!»

Наиболее смелые начали спускаться вниз, спеша посмотреть на то, что полчаса назад было их городом, и узнать, что стало с их родственниками, не успевшими покинуть жилища.

Обгоняя других, бежал человек в мокрой милицейской форме:

— Там заключённые в КПЗ. Если они погибли, они мне этого не простят! Я же сам их вечером запер всего-то

за пьянку. Если бы знал, если бы... — повторял он одно и то же на бегу.

***

Неожиданно вся людская масса разом остановилась, будто натолкнувшись на невидимую преграду. Люди, оцепенев от ужаса, смотрели в сторону океана, откуда на их Туманный надвигалась свинцовая громадина нового цунами.

***

Огромный водяной вал уничтожил то, что уцелело после первого удара стихии. Многотонного кита, словно игрушку, выбросило на центральную площадь города. За этот «щедрый дар» вода унесла с собой трактора, цистерны с горючим, суда, стоящие на рейде, и... конечно, людей.

Остров Туманный. Вечер следующего дня

Сергей обнимал плачущую Марину. Девушка прижималась к нему, пытаясь спрятаться в его бушлате от ужасов прошедшей ночи.

— Ну утомонись ты. Ведь жива же. Чего реветь-то? Знаешь, сколько сил понадобилось нашему траулеру, чтобы к острову пробиться? Кругом буруны, водовороты, брёвна, бочки, чего только нет. Гребной винт от намотанных рыболовческих сетей раза три освобождали. Без водолазной амуниции. Вода холоднющая, ужас. К вам спешили на помощь. Весь наш Петроморфлот тут. Все суда до единого.

К ним подошёл Андрей. Постоял с минуту, помолчал, потом протянул матросу бумагу:

— Читай. Радиограмма. Аж из самой столицы.

«Создать в регионе службу наблюдения и предупреждения об .... Незамедлительно выделить для научных исследований судно ... Включить в состав экипажа: ... матроса Сергея Ворсклина...»

— А меня об этом спросили? — возмутился парень. — Может быть, я хочу, как и раньше, селёдку ловить! Научная

посудина, понимаешь! Да там одни очкарики в команде будут. Скукотища. Не! Я не согласен. Рапорт подам.

Марина отодвинулась от него, приподнялась на цыпочки и заглянула в глаза.

— Ты будешь на нём ходить! Обязательно. Ради памяти наших девчонок, ради всех погибших островитян! Чтобы ничего подобного не повторилось! Понял?

— А ты? — глотая комок в горле, молвил матрос.

— А я буду ждать на берегу, чего же мне ещё остаётся.

Москва. Кремль. Сутки спустя

Вождь просматривал только что доставленные гранки завтрашнего выпуска партийной газеты. Решительно перечеркнул красным карандашом небольшую заметку на четвёртой странице, снял трубку и велел секретарю соединить его с главным редактором.

Минуту спустя в трубке раздался встревоженный голос:

— С-слушаю, Иосиф Виссарионович.

— Завтра большой праздник. Вся наша страна будет отмечать очередную годовщину революции. Зачем портить людям настроение каким-то далёким цунами? Они хорошо потрудились и имеют право хорошо отдохнуть. Вы меня поняли?

Зинаида Шедогуб

г. Краснодар

НАШИ ИДУТ!

Вечером Татьяна вышла из летней кухни в сарай, чтобы принести дров и протопить каморку, в которой она ютилась с тремя детьми. Она взглянула на свою хату, где прожила с мужем более десяти лет. Керосиновая лампа освещала зал, стол, за которым сидели офицеры и ужинали, железную кровать и на окнах цветы в глиняных горшках.

«Облить бы хату керосином и поджечь», — мелькнула злорадная мысль, но тут же погасла.

Был февраль. Где-то за Протокой шли бои: небо освещали всполохи от далёких взрывов. Часто над станицей и лиманами кружили советские самолёты — вестники близкого освобождения. Татьяна была убеждена, что там, за рекой, сражается её муж Фёдор, что именно он освободит её и детей, поэтому пряталась от фашистов, насколько это было возможно, и одевалась в лохмотья. Когда же она случайно попадалась им на глаза, они брезгливо глядели на казачку в старой, поеденной молью шали, в замызганной фуфайке и длинной серой юбке. И только Ганс, немецкий повар, разглядел в ней свою ровесницу, тридцатилетнюю женщину, скрывающую под лохмотьями красивое тело. Она казалась ему рафаэлевской мадонной и напоминала любимую жену, а её младшая дочь — его дочь, поэтому Ганс тайно подкармливал эту русскую семью. С наступлением темноты он приносил в летнюю кухню остатки еды и хлеб.

Сначала Татьяна со злостью выплеснула на землю суп, но немец укоризненно покачал головой и сказал:

— *Das ist das Essen für Katja! Ich habe auch eine Tochter in Deutschland!**

И хотя Татьяна не знала немецкого языка и не понимала, о чём говорит Ганс, но чувствовала, что этого немца бояться не стоит: он не обидит ни её, ни детей.

---

* *Это еда для Кати! У меня есть тоже дочь в Германии!*

– Guten Abend!* – тихо сказал Ганс, когда она с дровами подошла к ветхой двери летней кухни. Мужчина плечом толкнул дверь.

– Guten Abend! – вновь поприветствовал он детей, которые сидели на деревянном топчане в пальтишках, кутая ноги в одеяла, нахохлившись, как озябшие воробышки, в ожидании ужина. Восьмилетний Пётр постоянно чихал и тёр тряпкой красный нос, шестилетняя Аннушка, болезненно худенькая девочка, надрывно кашляла, и только маленькая четырёхлетняя Катюша, такая же, как и мать, карглазая, весело глядела на вошедших, тянула к ним ручки и кричала:

– Хочу хлеба! Хочу кушать!

Татьяна бросила у печки дрова и с благодарностью посмотрела на Ганса: он был такой же, как и муж, худощавый и высокий, но Фёдор был чернобровый, черноглазый, темноволосый, а немец – блондин. Она сунула хлеб за пазуху: решила на рассвете отнести его больной матери, – затем налила суп в миски, и дети с жадностью стали его есть.

– Спасибо, – сказала женщина, провожая Ганса из каморки. Она думала о том, что не все немцы изверги, что есть среди них и настоящие люди.

Женщина проснулась на заре от холода. Руки у неё заоченели, бока от неровных досок затекли. Рядом под ватными одеялами в пальто сопели её дети. Старшие тяжело дышали и кашляли – младшая улыбалась во сне. Татьяна потихоньку, чтоб не разбудить ребят, встала с топчана и, кутаясь в шаль, побежала к матери, которая жила в небольшой хатке не очень далеко, у самого лимана. Она надеялась вернуться домой до того, как поднимутся дети.

«Только бы не нарваться на немцев: пристрелят к чёрту. Что будет тогда с детьми?» – волновалась Татьяна.

Аннушка закашлялась, проснулась и потянулась к столу, но на нём не было ни крошки. Тогда она, увидев, что матери в кухне нет, разбудила брата и предложила:

---

* *Добрый вечер!*

– Пойдём к бабе Дуне молочка попросим. Она уже Апельсину подоила.

Апельсина – безрогая корова, настолько старая, что фашисты сначала взяли её на убой, а потом всё же отдали её старику, бросившемуся защищать кормилицу. Она давала очень мало молока, но для малышей оно было необыкновенным лакомством.

Услышав слово «молоко», проснулась Катюша, сползла с топчана, сунула ножки в резиновые сапожки и бросилась к двери. За ней побежали Петя и Аня.

В небе тяжело гудели самолёты. Фашисты, жившие в великой хате и выселившие стариков во вторую половину дома, где до войны была кузня, вели себя странно: что-то кричали и собирали вещи. Но в сенцах по-прежнему стояли начищенные до блеска их сапоги, и Евдокия спросила Степана:

– Шо они мечутся? О чём визжат?

– Боятся: наши идут. Чуешь: скоро бомбить будут.

Евдокия выглянула в окно и обомлела: она увидела ковыляющих по вспаханному огороду внуков. Малыши, спотыкаясь о комья земли, несколько раз упали, и острое чувство тревоги подкатилось к её сердцу.

– Война, а детвора опять без матери! Де она блукает? – сердито сказала она.

Свекровь недолюбливала своенравную невестку: старший сын, Фёдор, привёл её, бесприданницу, без родительского благословения в хату, где она жила с первым мужем до его гибели в четырнадцатом году. Скоро Татьяна завладела всем: и сыном, и хатой, и хозяйством.

«Хорошо, что я ушла к Степану, соседу-вдовцу, и вышла за него замуж, – часто думала Евдокия. – Хоть угол свой есть!»

Но внуков она любила и тайком от мужа баловала: то молочком напоит, то сунет им в карманы сахарок, то семечек нажарит. Дети – единственное, что осталось у неё от трёх сыновей, сражавшихся на войне.

Мальши вбежали в сенцы, свалили начищенные немцами сапоги и измазали их.

– Russische Schweine!* – зло заорал фашист, выдёргивая из кобуры пистолет.

Он был взбешён: русские наступали, надежды на поддержку казаков рухнули. Местные жители, по его мнению, были дикими и отсталыми.

Дети, не понимая, что они плохое сделали и почему беснуется офицер, испугались: Анечка и Катюша заплакали, а Петя вытаращил чёрные, как у отца, очи и сжал кулаки.

Под пистолет, закрывая детей телом, рухнула Евдокия. Старая, морщинистая, высохшая, как сухое дерево, она, подняв худые руки вверх, закричала:

– Стреляй, гад, стреляй! Меня убивай, но не трогай детей! Степан, спасай малышей! Убирай их из хаты!

Старик с длинной седой бородой, тоже маленький и сухонький, прикрывая собой внучат, стал выталкивать их из коридора.

– Тикайте! Тикайте! Ховайтесь! Немцы сбесились: наши наступают!

К детям с другой стороны огорода, крича, мчалась Татьяна. Шаль свалилась у неё с головы, и волосы, густые и пышные, развевались на ветру.

Засвистело, загудело. Где-то по дороге, где двигалась немецкая техника, взорвались бомбы. Всё вокруг забило, задрожало – и люди в страхе повалились на холодную землю, ища у неё защиты. Потом Степан и Татьяна схватили испуганных ребят и потащили их в подвал.

– Не бойтесь: это наши идут! Станицу освобождают. Может, ваш папа Фёдор там или ваши дяди, Виктор и Илья, мои сыночки, – успокаивал старик внуков.

А Татьяна даже говорить не могла: она только прижимала к себе детей и плакала.

---

* Русские свиньи!

ОСЕННИЙ ЛИСТОПАД

Уложив пятилетнюю Алёнку спать, Мария подошла к окну. С тринадцатого этажа открывался чудесный вид: по бесконечному вечному небу, как по синему морю, весело неслись барашки белых облаков. А внизу под ними лежала красавица Москва. Слева, за оранжево-жёлтыми веерами деревьев, прятались пятиэтажки, а за ними упирались в небеса высотки. Справа до самого горизонта персидским ковром раскинулись Сокольники, тоже окаймлённые высотными зданиями и телебашней.

Был октябрь, и парк поражал обилием красок: кое-где ярким пламенем горели кисти рябин, в золотом одеянии стояли берёзки и тополя, поражали жёлто-ржавой листвой столетние дубы, то здесь, то там среди зелёных сосновых островков краснели и желтели верхушки клёнов.

Вспомнив, что каждое её движение записывают видеокамеры, Мария отвернулась от окна и тут же вновь напряглась: на неё с огромного полотна, расположенного на противоположной стене, глянуло лицо хозяйки Татьяны, матери Алёнки. Художнику удалось уловить властный, холодный взгляд сорокалетней женщины и хитрый прищур её больших тёмно-карих глаз. И где бы ни находилась в комнате Мария, всюду чувствовала на себе этот пронзительный взгляд.

«Следи, следи, гляди, гляди... — подумала нянька. — Ты видишь свою девочку раз в сутки, а я с ней всегда, так что Алёнка моя...»

Мария подошла к детской кроватке: девочка, прижав к груди розовые ручонки, сладко спала. Нянька наклонилась к ней и нежно поцеловала её пальчики.

Она вдруг вспомнила, как много лет назад так же нежно ласкала крошечные пальчики своего сына в реанимации. Он недавно родился, а столько уже пережил! Мария пыталась передать через это прикосновение к Саше, так назвала она своего сына, всю свою любовь. Ей казалось, что если ребёнок умрёт, то и ей нечего делать на этой земле. Никогда раньше не знавшая молить, теперь она постоянно обращалась за помощью к Богу:

— Господи, прости меня за грехи! Спаси моего сына!

Всё то, что ей было дорого до рождения сына, отошло на задний план. Её злил муж Дмитрий: его здоровый аппетит, спокойствие, любовь к жизни и даже нежность и забота. Когда он ночью хотел её приласкать, Мария раздражённо отодвигалась.

«Да у него нет сердца! Как он может смотреть телевизор и смеяться, когда у нас погибает ребёнок? Как я могла так ошибиться в выборе мужа?» — думала она.

Мария познакомилась с Димой год назад на свадьбе у однокурсницы из медучилища. Высокий, статный, темноволосый и черноглазый, он ей сразу понравился: отлично танцевал, неплохо держался в обществе, и она подумала: «Вот бы мне такого мужа. Какие у нас были бы красивые дети!»

Гремела в ресторане музыка, тамада произносил тосты и поражал всех красноречием, обнимались и целовались молодые, и в зале была такая атмосфера любви и счастья, что обычно закомплексованная Маша поддалась ей и испытала к Диме страстное влечение. Всё чаще он танцевал с ней, обнимал своими ручищами и шептал на ухо что-то нежное и сладкое, а когда свадьба закончилась, он не желал с ней расставаться:

— Маша, это судьба. Давай поженимся: ведь мы одно целое. Мы даже похожи, только ты поменьше ростом.

Дима пригласил её в свою однокомнатную квартиру на первом этаже, доставшуюся ему от бабушки. Всю ночь они целовались, не выпуская друг друга из объятий, а днём он повёл девушку знакомиться с родителями, которые жили в этом же доме, на пятом этаже.

— Дорогие мамочка и папа, пришёл к вам с радостной вестью: я женюсь! Это моя будущая жена Маша!

Лидия Петровна, такая же красивая и яркая, как и сын, машинально поправив причёску, ехидно поинтересовалась:

— И когда же ты, сынок, познакомился с невестой?

— Вчера на свадьбе...

— Да. Видно, вы хорошо узнали друг друга, — всё с той же иронией продолжала мать. — Думаю, ваш брак продлится столько же! А ты что скажешь, отец? — обратилась она

к мужу Степану, полному мужчине, который рядом с молодой женой выглядел намного старше и казался пенсионером.

— Пусть решает сам: ему жить... — коротко ответил он.

«Да, свекровь была всё же права: наш брак трещит по швам», — думала Мария, вспоминая историю знакомства с мужем.

Раньше она всегда с радостью ждала возвращения Дмитрия с работы и готовила ему изысканные угощения, а теперь, после рождения сына, не вставала с кровати, не готовила еду ни себе, ни ему и постоянно плакала. И когда муж, желая её развеселить, шутил или пытался приласкать, она сжималась, словно её били током, и гневно отворачивалась.

— Ты знаешь, Маша, — однажды не выдержал он, — я, наверное, уйду от тебя к родителям. Квартиру подарю сыну, а сам уйду: так жить невозможно! И за что ты меня так ненавидишь? Ведь это ты заразилась гриппом и инфицировала нашего сына, он стал задыхаться, потом кесарево сечение, его вытащили раньше срока, с ДЦП, затем эта глупая операция... Ты думаешь, что всё это меня радует? Но я не хочу и не могу так жить! Ведь жизнь одна, и другой у нас не будет! Можно и с больным ребёнком жить по-другому. Ты же застыла в страданиях и не собираешься из них выходить, и, кроме малыша, тебе никто не нужен.

Мария даже не обиделась на слова мужа. Именно тогда она приняла решение посвятить сыну жизнь, сделать всё, чтобы восстановить его здоровье. Когда Сашу выписали из больницы, она стала для него и мамой, и врачом, и медсестрой, и учителем — одним словом, всем на свете.

Воспоминания о прошлом не могли отвлечь её от повседневной работы. Она пошла на кухню, приготовила Алёне подник и посмотрела на часы, которые висели в каждой комнате как напоминание о режиме дня: было три часа дня, в это время просыпалась обычно Алёнка.

— Маша! — услышала она тонкий и нежный голосок девочки.

— Иду, моя красавица! — на бегу повторила няня.

Она легко подняла её с кровати и прижала к своей груди. Алёнка обхватила ручонками её шею и радостно закричала:

— Няня, я так тебя люблю! Когда вырасту, построю дом. Мы будем там жить вместе.

Волна нежности накрыла Марию.

«Как хорошо, что на Земле есть человек, которому я нужна! Если бы не Алёнка, что бы я делала? Как и где жила?» — по-прежнему нежно обнимая девочку, подумала нянька, а вслух произнесла:

— Сейчас, милая, покушаем, оденемся и пойдём гулять. Погода сегодня отличная!

Осень две тысячи двадцатого и в самом деле была чудесная. Солнце, обычно такое редкое в Москве, ежедневно баловало жителей своим теплом. Деревья стояли в праздничном осеннем уборе, и при малейшем дуновении ветра золотой дождь сыпался на землю. И если бы не прохожие в масках и перчатках, ничто бы не напоминало о пандемии, страшной болезни, во время которой люди стали бояться людей, стали разрушаться семейные и родственные связи.

Алёнка подняла с дорожки красноватый лист клёна и сказала:

— Маша, это мой подарок тебе!

— Да ты ж моя умница! — воскликнула женщина. — Никто на белом свете не балует меня так, как ты!

Мария стала раскачивать малышку на качелях.

— Девочка, а сколько тебе лет? — спросил Алёнку подошедший мужчина.

Мария взглянула на него. Он был высокий, чуть полноватый и ростом напомнил ей бывшего мужа Дмитрия, только глаза у него были другие: ярко-голубые, умные, добрые.

Алёнка вопросительно посмотрела на няню:

— Маша, сколько мне лет?

— Пять!

— О, как у вас всё запущено! — огорчился прохожий. — Ведь девочка намного отстаёт от детей её возраста! Вон бежит мой друг Егорка, её ровесник. Так он уже считает, наверное, до ста! А мяч гоняет как взрослый футболист.

— Как вы можете так оценивать достижения детей? — обиделась Мария. — Алёна — инвалид детства и настоящая героиня. То, что вашему Егорке дала природа, моей девочке достаётся непосильным трудом. Но у нас почти не говорят о таких детях.

Мария сняла девочку с качелей и предложила ей подняться на горку:

— Покажи, родная, как ты поднимаешься.

Алёнка, судорожно хватаясь ручонками за бортики, стала медленно взбираться вверх. Егор в два прыжка обогнал её и хвастливо закричал:

— Ты ползёшь, как старая черепаха, как дохлая кошка!

У Алёнки заблестели в глазах слезинки.

— Меня мальчик расплакал! — пожаловалась она.

— Вот и весь ваш Егорка! — возмутилась Мария. — Ещё мал, а обижать уже умеет!

Она ещё раз критически взглянула на мужчину. В новых коричневых кожаных туфлях, в отутюженных брюках такого же цвета, в красивой вязаной кофте, он показался ей человеком, заласканным близкими.

«Вылизанный женой, избалованный жизнью москвич», — с раздражением подумала она, а вслух с болью произнесла:

— Бедная моя девочка! Сколько она услышит обидных, унижающих человеческое достоинство слов, прежде чем вырастет! Уж я-то знаю!

— Кто она вам? Дочка? Внучка? — с любопытством спросил мужчина. — Вы очень похожи. У обеих чёрные глазки, курносенькие носики, тёмно-каштановые волосы.

— Нет, я её нянька. Специалист по работе с детьми с ДЦП: сначала много лет поднимала родного сына, потом начала помогать другим людям. Сынок Саша вырос, женился, и Рая, моя невестка, чтобы я ей не мешала, по Интернету нашла мне эту работу. Теперь и сыну помогаю материально, и себе откладываю на чёрный день, чтобы не остаться на старости лет без угла. Может, куплю когда-нибудь хибарку где-нибудь на даче или в какой-нибудь деревушке. Вот и вся моя история, но эту девочку люблю как собственную дочь, а это, как говорят московские няньки,

с которыми я иногда общаюсь на детских площадках, очень трагично для меня.

— А я свою дачу забросил, — грустно сообщил мужчина. — Не могу там бывать: там жену потерял. Почему из жизни ушла? Чего ей не хватало? Эти вопросы меня мучают постоянно. До сих пор ищу ответы на них. Так, наверное, и умру в неведении. А жили ведь хорошо. Никогда не ссорились. Думал, что создал идеальную семью. Осуждал тестя, когда тёща ушла из жизни, а в результате получил такую же смерть. Точно в Библии говорится: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить». Единственная дочь от меня отвернулась. Считает, что это я виноват в смерти её матери и мои командировки. Внуков нет. Теперь сочувствую всем, у кого в роду есть суицидники. Их добровольный уход из жизни убивает: ты тоже отравлен, повешен, уничтожен. И кажется, что все видят в тебе преступника, поэтому трудно подняться и оправдаться. И нет большей кары на Земле. После случившегося у меня разыгрался сахарный диабет, начал лечиться и считать калории. Несколько раз был на грани жизни и смерти. А сейчас я попрощаюсь с вами: мне пора ужинать и принимать лекарства.

Незнакомец ушёл, а Мария стояла рядом с ковыряющейся в песке девочкой в глубоком волнении: впервые за долгие годы с ней заговорил мужчина. Он всколыхнул в её душе давно угасшие чувства, о существовании которых она давно забыла. Мария с ребёнком в приподнятом настроении поднялась на тринадцатый этаж и вошла в прихожую — бывший коридор, куда выходили три квартиры, теперь принадлежащие её хозяйке. В одной из них — теперь детской — и жила она с Алёнкой. Повсюду в комнатах в дорогих шкафах на полках стояли матрёшки, куклы разных размеров, мягкие игрушки, роботы, и квартира скорее напоминала не жилое помещение, а магазин «Игрушки».

Няня торопилась: надо было после прогулки накормить, переодеть девочку и приготовить её к встрече с матерью. Татьяна пришла раньше и застала её врасплох.

— Почему моя принцесса ещё не одета? — возмутилась она. — Мамочка так соскучилась!

Увидев мать, девочка радостно улыбнулась и протянула к ней ручонки. Татьяна прижала девочку к пышной груди и поцеловала.

— Смотри, Алёнка, какую дорогую куклу я тебе купила! Ни у кого такой нет! Она и поёт, и стихи читает, и может разговаривать. Будет тебе подругой. Люблю тебя, моя принцесса, — вручая дочери подарки, ласково произнесла мать, а потом уже по-другому, строго и резко, сделала замечание няне:

— Что ты постоянно целуешь мою девочку! Кто ты такая! Ты просто нянька, которую я могу уволить в любую минуту! Ты здесь никто, и зовут тебя никак!

— Я знаю своё место, и уволить меня вы, Татьяна Ивановна, всегда можете, но я говорю вам как медик: вашей дочери нужна ласка. Чем чаще вы будете общаться с ней, обнимать её, тем счастливее и успешнее будет жизнь у Алёнки. Вас же никогда рядом нет, поэтому пытаюсь помочь ей, чтобы был прогресс в лечении, — оправдывалась Мария.

— Что ты шипишь и кусаешь? Я ведь не гуляю, — рассердилась хозяйка, — тружусь для неё же и вас ещё кормлю. Сейчас, в пандемию, рухнул малый бизнес, развалились многие фирмы, а я спасаю как могу свою юридическую фирму и пытаюсь заработать.

Татьяна, забыв о больном ребёнке, расширила от гнева и без того огромные глаза и, крича, ушла в свои комнаты, в которых Мария никогда не бывала.

Несмотря на обычные вечерние разборки, Мария была в хорошем настроении. Уложив Алёнку спать, она приняла душ и посмотрела в зеркало: густые тёмные волосы красиво падают на узкие плечи, в чёрных очах ещё горят лукавые искорки. Мария даже посмеялась над своим состоянием: на улице старик подошёл к пожилой даме, пожаловался на свою судьбу, и она вдруг вспомнила о том, что она женщина, что прожила жизнь без мужской ласки и внимания, и в ней проснулось желание кого-то жалеть и любить.

Ранним утром женщина подошла к окну: на детской площадке дворник-казах подметал листву, которую тут же набрасывал ветер. Эта борьба человека с природой вдруг развеселила её. С удовольствием она занималась с Алёной коррекцией двигательных нарушений, чтобы нормализовать мышечный тонус ребёнка, потом обучала правильному держанию карандаша и рисовала с ней, затем пела считалочку, чтобы обучить счёту до десяти. В одиннадцать часов они вышли во двор. Алёнка сразу же направилась к песочнице и стала печь торт и украшать его листьями. Мария присела рядом с ней.

«Придёт или нет?» — думала она, глядя, как девочка пытается слепить торт.

Солнце приятно согревало спину и разморило её, и она, пытаясь разогнать сон, протянула девочке упавший лист берёзы.

— Смотри, Алёнушка, золотой листик.

— Нет, не золотой, — ответила она.

— Так говорят люди, потому что он жёлтый, блестящий, красивый, — объяснила няня.

Мужчина появился неожиданно, когда Мария уже перестала его ждать.

— Ну что ты испекла, Алёнушка? — спросил он.

— Тортик! — мгновенно ответила она.

— Мне нельзя его есть. Приготовь мне капустный пирог.

Мария удивлённо подняла голову: мужчина стоял в новом светло-сером костюме и распахнутым лёгком плаще такого же цвета.

— Вы в театр собрались? — спросила она.

— Нет. Гардероб у меня большой — вот и проветриваю вещи, — улыбнулся он.

— Везёт, а я как-то о себе позабыла, — усмехнулась Мария и с любопытством спросила его: — А как вас зовут? Второй день общаемся, а как к вам обращаться, не знаю. Как-то нехорошо.

— Ну, давайте знакомиться: Матвей Николаевич. Окончил МАИ. Работал в авиационном комплексе имени Сергея Владимировича Ильюшина, проектировал и строил Илы.

Ответственная, напряжённая работа. Частые командировки. Вечный страх за своё детище — самолёты. В моей судьбе было всё: и взлёты, и падения. Трагически пережил развал СССР и девяностые. Когда жизнь в стране как-то стабилизировалась, вновь с головой ушёл в работу, но всё разрушилось после смерти жены. Заболел, уволился, стал пенсионером. Но что я говорю только о себе! А как ваш сынок?

— Сейчас хорошо. Почти справился со своей болезнью, научился работать на компьютере, правда, зарабатывает, по московским меркам, копейки, но, как писал великий Пушкин, он «наследник всех своих родных». Все вдруг вспомнили о нём и помогают, так что всё у него нормально. А вам, Матвей Николаевич, не скучно на пенсии?

— Нет, наслаждаюсь: никуда не надо спешить. Общаюсь с детьми, с природой, читаю произведения Александра Пушкина. Какой великолепный поэт и философ! Увлёкся «Борисом Годуновым». Пушкин пишет о прошлом, а словно говорит обо мне:

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погибло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает...

Эх, хотя бы прожить ещё хоть пять лет — вот о чём я мечтаю на пенсии.

— А коронавируса вы не боитесь? Ходите без маски!

— Конечно, боюсь. И диабет мне страшен, и ковид. Маску и перчатки постоянно ношу в кармане: не хочу платить штрафы, но надеваю их только в магазине. В транспорте почти не езжу. Вот где источник заразы! Приказы московских властей не одобряю: старикам запретили выходить из дома. Да без воздуха и движения они помрут

и без ковида. Тайными тропами пробираюсь в Сокольники и на Оленьи пруды. Для меня общение с природой – спасение от болезни и радость. Чем меньше остаётся жить на Земле, тем больше ценю её красоту.

Подул ветер, и начался осенний листопад. Жёлтые парашютики плавно спускались с деревьев, покрывая чудесным ковром всё вокруг. Полёт листьев был так прекрасен, что трое одиноких людей в охваченной пандемией Москве ловили в ладони золотые листья и радостно улыбались.

Содержание

От редколлегии	3
Валентина Душина	4
Владимир Ерош	32
Сергей Калабухин	37
Владимир Когтев	42
Сергей Кулешов	56
Ирина Китаина	58
Светлана Лобова	67
Денис Минаев	72
Александр Ралот	88
Зинаида Шедогуб	95

Литературно-художественное издание

СЕРЕБРЯНЫЙ РОДНИК-7

Сборник прозы

Ред.коллегия:

С.С. Антипов (*Председатель*),
И.Е. Витюк, Д.В. Минаев

Обложка: **Д.В. Минаев**

Компьютерная вёрстка: **К.Е. Павельева**

Корректор: **П.О. Громова**

ООО Издательство «Серебро Слово»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Подписано в печать 14.02.2022

Формат 60x90/16. Бум. офс. 80 г/м².

Печать цифровая.

Объём 6,875 усл. п/л. Гарнитура BalticaC.

ISBN 978-5-907463-48-6

9 785907 463486 >

Серия «Серебро Слов»